

Кабинет генерального директора Яценко ей понравился. Здесь даже по атмосфере чувствовалось, что хозяин волевой, основательный и серьезный человек. — Здравствуйте! — Генеральный появился из-за маленькой, почти потайной, незаметной двери, искусно замаскированной в стене.

Юля вздрогнула от неожиданности. Яценко остался доволен своим внезапным появлением и произведенным эффектом:

— Что, напугал вас? Это как Карабас-Барабас, живущий за нарисованной дверью? — Тогда вы — папа Карл? — Это он жил в каморке по лестнице!

**Начало диалога ей не понравилось. Глаза у генерального были злые, острозеркалистые, сверлили, как буровики, а сам он заметно нервничал.**

— Ну что же, давайте записывать интервью, тема понятна. Мне кажется, что люди, живущие в этом городе, должны знать, чем занимается наше предприятие, и гордиться его делами вместе с нами.

— Вы поэт, Владимир Николаевич! Спасибо, что согласились на интервью, — она перестала волноваться, потому что поняла, что волноваться он.

Это было удивительно, но никак не интервью. Железная в своем веку немало, и поэт интервью был. Он витиевато задавал вопросы журналистскому делу, а Юлька приговаривала: «Секретаршечка, ратному: ей надо расшевелить, раскопать его душевную глубину, если таковая имеется, обострить пробле-

мы — вон сколько спутников улетело «за бугор»! **Есть о чем поговорить с генеральным.**

— Срочный звонок, извините, — Яценко опять скрылся за дверью.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ  
РАССЛЕДОВАНИЕ

# Слишком большой соблазн

Людмила  
ФЕРРИС



...пожилая и стро-  
...на в деловом се-  
...вошла с под-  
...нимательно по-  
...лю.

Никола-  
...ефону,  
...натуж-  
...ка сол-  
...ет впе-  
...плацу.  
...какчат  
...ат, не  
...представления, но  
...она была уверена, что по-  
ходка у секретарши сол-  
датская, а характер желез-  
ный.

Дверь в стенке так и не открывалась. Девушка оглядела кабинет, пытаясь дополнить свое представление о его хозяине, но ее ждало разочарование — рабочий стол кристально чист, письменные приборы стоят в строгом порядке.

**Человек-маска, причем маска плотная, приоткрываться не хочет.** В углу кабинета стоял стеллаж, и его содержимое плохо просматривалось с ее места. Юля еще раз посмотрела на дверь, из-за которой никто выходить пока не собирался.

— Ну и сиди в своей каморке, а я поглазею по сторонам.

...а стеллаже отдельная пол-  
...была занята фотогра-  
...иями — Яценко с космо-  
...автами, с руководителями  
...раны, с учителем космо-  
...автики Ильей Гладковым.  
...Владимир Николаевич на  
...фотографиях или улыбал-  
...ся, или смотрел куда-то в  
...сторону. А вот наконец то,  
...что она хотела увидеть, —  
...сувениры, макеты причуд-  
...ливых космических кораб-  
...лей.

— Вот этот проектировал па-  
па, называется «Ураган», —  
она погладила холодный ме-  
таллический корпус и по-  
смотрела на часы.

**— Владимир Николаевич! Может, мы тогда встретимся в другое время... — Она подошла близко к закрытой двери, за которой вдруг раздался хлопок, но ответа не последовало.**

— Может, плохо дядень-  
...раскребла ног-  
...дверь, которая про-  
...тивно заперта, — откры-  
лась.

— Товарищ генеральный,  
что с вами?  
В небольшой комнатке ле-  
жал доктор технических на-

Журналистское расследование (Эксмо)

Людмила Феррис

**Слишком большой соблазн**

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Феррис Л.**

Слишком большой соблазн / Л. Феррис — «Эксмо»,  
2017 — (Журналистское расследование (Эксмо))

ISBN 978-5-699-94848-2

Молодая журналистка Юлия Сорнева должна была взять интервью у генерального директора «Орбитальной группировки» Владимира Яценко, но прямо во время интервью мужчину убили! Теперь написать о нем статью стало для Юли делом принципа. Она обязана разобраться, кто и почему застрелил талантливого ученого и успешного руководителя. Но слишком много было у него недоброжелателей и темных секретов. Может быть, дело в том, что все научные открытия сделал за Яценко другой человек? А его семейная жизнь была вовсе не так благополучна, как казалось? Космос скрывает слишком много тайн, но Юлия даже не представляла, что одна из них напрямую связана с ней самой...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94848-2

© Феррис Л., 2017  
© Эксмо, 2017

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Людмила Феррис**

## **Слишком большой соблазн**

© Феррис Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

## Пролог

Журналисты были взбудоражены и оживленно переговаривались. Людская толпа, подобно змее, огибавшая подиум стартового комплекса, замерла в ожидании зрелища. Оливия Грин – учитель истории государственной средней школы – почти не волновалась. Хотя она не спала всю ночь в ожидании старта, мысленно перелистывала страницы своей жизни, но к утру взяла себя в руки и была спокойна, как океан в сентябре.

Конкурс «Женщина в космосе» привлек внимание всей Америки. Дамы разных профессий – от парикмахеров до банкиров, утверждали, что полет в космос – главная мечта их жизни. Организаторы этого нереального шоу – корпорация «Ранс» – считали, что каждая молодая девушка, потренировавшись несколько месяцев, сможет лететь в космос. На конкурс поступило восемнадцать тысяч заявок, а во второй тур прошло только сто человек, и Оливия была среди них. Сам президент на торжественной церемонии, транслировавшейся по всем телеканалам страны, объявил имена победительниц национального конкурса. Соединенные Штаты Америки с замиранием наблюдали, как президенту подали белый длинный конверт. Президент улыбался.

– Женщина-американка покоряет космос, и мы преклоняемся перед ней. Я с глубоким почтением назову имена победительниц, – и вскрыл конверт.

Оливия думала, что ослышалась. Сначала он произнес имя медсестры Барбары Ралинаф, а потом, хитро прищурившись, добавил:

– Дублер Оливия Грин, учитель, штат Джорджия.

Оркестр заглушил ответ-благодарность Барбары Ралинаф, словно случайно оказавшейся позади президента. Оливия, наблюдавшая за происходящим дома по телевизору, расплакалась – и это были слезы счастья. Произошедшее казалось нереальным, невозможным, как, например, выиграть миллион долларов в казино Лас-Вегаса. Но факт остался фактом – она стала дублершей астронавта, и шанс, что Оливия Грин полетит в космос, очень высок, по крайней мере, она это чувствовала.

Оливия никогда не задумывалась над вопросом, что такое абсолютное счастье. Но теперь она ощущала его. Земля будто уходила из-под ног, дыхание перехватывало, сердце выпрыгивало из груди, губы сами по себе расплывались в улыбке, на глазах неожиданно проступали слезы радости.

Телефон звонил не переставая: родители, ученики, друзья, коллеги поздравляли и радовались успеху Оливии, отмеченной самим президентом. Позвонил директор школы, где она работала.

– Мы хотим устроить праздник в вашу честь на площадке перед школой. – Она поняла, что директор расплывался в улыбке, как ученик, получивший высший балл по всем предметам одновременно.

– Спасибо. – Оливия склонила кудрявую голову и подмигнула себе в зеркале.

Через полчаса Оливия Грин шла по дороге в школу и вдруг увидела своих учеников. Майкл и Алекс бежали ей навстречу.

– Вы самая крутая учительница в штате! Мы гордимся вами! Когда президент назвал вашу фамилию, мы громко кричали «ура!».

– Спасибо, ребята. – Ей были приятны восторги мальчишек, непосед и хулиганов, которые, впрочем, любили историю, а значит, немножко и ее как преподавателя дисциплины.

Школьный ансамбль настраивал инструменты, множество народу толпилось на школьном дворе, все спешили ее поздравить, пожать руку и получить автограф. Оливия чувствовала себя известной актрисой, к примеру Линдой Картер, или Джейн Фондой, или Шерил Лэдд. Кто-то принес яркие шары, и скромная площадка перед средней школой стала напоминать сказоч-

ное представление: играла музыка, поднимались в воздух цветные лепестки, словно смешались радуги, и дети кричали «ура!». Оливии пришлось обратиться к тем, кто пришел ее поддержать:

– Дорогие мои друзья! Когда нужно принимать решение, необходима порция одобрения от коллег и учеников. Вы подарили мне веру в победу, без вас я бы не приняла решения участвовать в конкурсе, без вас у меня не было бы сил дойти до конца. Спасибо, что вы помогли мне осуществить мечту! Мечту, которая может сбыться только в нашей стране.

Ее последние слова заглушили аплодисменты.

Милая дамочка преклонного возраста пробралась к Оливии сквозь толпу и закричала в ухо:

– Я голосовала за вас при опросе общественного мнения в нашем штате. У вас учится мой внук. Дети считают вас настоящим учителем, вы даете им веру в себя без алкоголя и антидепрессантов.

– Спасибо, спасибо вам, – отвечала Оливия.

Она еще долго общалась с людьми около школы и вернулась домой совершенно вымотанной.

«А ведь работу придется оставить как минимум на год. Да, какой астронавт из меня получится, еще неизвестно», – с этими мыслями Оливия наконец заснула.

Центр подготовки астронавтов корпорации «Ранс» напоминал группу отелей, но в каждом корпусе все было распланировано под космические задачи. Оливию Грин поселили в одноместном номере, напротив номера, на двери которого висела табличка «Барбара Ралинаф».

– Ну и хорошо, что мы рядом. Дублер должен сопровождать основной состав.

Она нашла на тумбочке список всего отряда, отряда профессионалов, в который добавлены две женщины. В полет отправятся только десять человек.

Кто из них? Палец двигался по списку. «Кларк Брен Блиэс, Мэриленд – 200 часов полета». «Анкид Мэрин Джилл, Техас – 240 часов полета».

– Боже, у меня нет даже минуты полета! Меня обязательно забракуют, не допустят. – Оливия была в отчаянии.

Утром вся группа собралась на занятия и для начала получила форму зеленого цвета, утвержденную корпорацией.

– Мы как лягушата, – пошутил высокий молодой человек, который и оказался Анкидом Джиллом.

– Лягушата-астронавты. – Шутку подхватили и начали было забавляться дальше, но в класс вошел капитан, и наступила тишина.

Несколько месяцев в Центре подготовки пролетели как один день, такими плотными и насыщенными они были. Каждый астронавт работал на свою задачу, Оливия знала, как поддерживать психологический климат, как снимать учебный фильм, как вести дневник полета. В технические детали она глубоко не погружалась, она мало что в этом понимала, но курс по перспективам развития межконтинентальных полетов девушка прослушала, впрочем, как и другие, по проблемам космической биологии и медицины.

Время словно остановилось, оно было заполнено, забито, плотно начинено занятиями, так похожими друг на друга.

Женщины и мужчины тренировались отдельно, но все специальные занятия включали в себя полеты на самолетах, упражнения в условиях кратковременной невесомости, вращение на центрифуге и вестибулярные тренировки. Вся группа испытывала действие гипоксии, повышенного давления и разнонаправленных ускорений. Организм Оливии справлялся со всем легко, было огромное желание дойти до конца, однако чувство тревоги ее не покидало. Часы, дни, месяцы складывались в отрезки времени и словно застывали. Она уже перестала верить в полет, скучала по школе и противилась тому, что надвигалось на нее внезапно, как ураган.

Но ураган, циклон, торнадо, вихрь показались бы легкими ветерками по сравнению с тем, что пришлось испытать Оливии. Желание стать астронавтом было в ней так велико, так сильно, что она смогла преодолеть все невозможные препятствия. У нее осталась одна конкурентка – Барбара – и целый год ожидания полета. Через двенадцать месяцев руководство доложило, что отряд астронавтов к полету готов.

Оливия нервничала. Она все время наблюдала за приветливой Барбарой и грустно констатировала, что ее надеждам не суждено сбыться: Барбара с блеском справлялась со всеми учебными заданиями. Газеты пестрели ее фотографиями: Барбара на прогулке, Барбара пьет кофе с подругами, Барбара с любимым мопсом.

Но за два дня до окончания подготовки Барбара Ралинаф сломала ногу на парашютной тренировке, и дублер Оливия Грин стала первой.

16 января 1987 года корабль с десятью астронавтами отправлялся в полет. Событие века транслировалось по всем телеканалам США, и, конечно, весь класс Оливии Грин, ее двадцать любимых учеников в сопровождении директора школы, преодолев тысячи миль, приехали на стартовую площадку. Поездку оплатила школа, которая гордилась, что ее педагог Оливия Грин войдет в историю Америки. Корабль стартовал под громкие и бурные аплодисменты толпы.

Через шестьдесят секунд, то есть ровно через минуту после старта, появилось белое облако, увеличивающееся в размерах, и раздался взрыв. Взрыв был таким сильным, что в стартовом комплексе выбило стекла. На глазах испуганных зрителей как будто рушился небесный купол: куски корабля, обломки аппаратуры и техники падали с неба, рискуя покалечить всех, кто был на космодроме. Миллионы людей замерли у экранов телевизора. Все десять членов экипажа погибли.

Барбара Ралинаф стояла в толпе провожающих, и ее сжатые кулаки побелели, как корпус разбившегося космического шаттла. Не прошло и получаса, как она обнимала Оливию Грин и желала ей удачи.

Спасатели приехали быстро, тушили пожар, разбирали обломки. Через час после катастрофы выступил президент, на его лице не было привычной целлулоидной улыбки, он не скрывал слез.

– Это были герои Америки, мы будем помнить о них. – Каждое слово давалось ему с трудом.

Корпорация «Ранс» начала расследование, была назначена Комиссия парламента для контроля за расследованием. Погибшие астронавты посмертно были награждены медалью почета США, и на гранитной плите братской могилы, их последнего приюта, высекли слова: «Здесь покоится гордость Америки».

## Глава 1

Она бежала за поездом, но никак не могла его догнать. Проводница с флажком явно видела Юльку, но демонстративно отвернулась.

– Подождите! Подождите! – Голос срывался.

Поезд набирал ход, и не было никакой возможности его догнать. В купе остались ее чемодан и сумка с документами и деньги. Девушка осталась одна на пустом перроне в чужом городе. Грязная собака подошла к ней и молча наблюдала, как Юля давится слезами.

Она открыла глаза и поняла, что плачет.

– Господи, как хорошо, что это был сон!

Этот дурацкий уходящий поезд стал ей сниться очень часто, обычно Юля догоняла его, вскакивала на подножку, находила свое купе. Но вот так, чтобы остаться одной на перроне, с грязной собакой... Бррррр...

Юлька встала, как была в ночной рубашке, села за компьютер. Нашла в Интернете сонник. В толковании снов на букву «п» ни поезд, ни проводница не значились, а вот информация по собаке разлилась. Если собака белая – к благополучию, если рыжая – к недоброму человеку. Юля попыталась вспомнить, какого цвета была собака, но не смогла. Псина была грязная, и только. Значит, собака к другу, раз других объяснений нет.

«Дался мне этот поезд! Я вообще последний раз лет десять назад на поезде ездила, привязался он ко мне! Рыдала, опять же, безутешно! Как же, чемодан уехал, документы тоже. Бредятина сплошная! А вот слезы снятся к радости и утешению, хоть в чем-то да повезет. Знать бы еще, где радость и в чем утешение?»

Она прошла на кухню и включила кофеварку. До начала рабочего дня – целая вечность, час времени. Этого хватит, чтобы принять душ, сделать макияж и покайфовать с чашечкой «кофея». Главный начнет газетную планерку в десять, а значит, на любимую работу можно пойти пешком.

Юля написала свое первое стихотворение во втором классе, оно так понравилось классной руководительнице Ольге Сергеевне, что его тут же поместили в стенгазету. Посвящалось стихотворение маме и было по-детски наивное и милое. С тех самых пор Юля Сорнева была самым активным участником конкурсов чтецов, а свои стихи записывала в отдельную тетрадку, авось пригодятся. В десятом классе ее сочинения были лучшими в школе, поэтому поступление на факультет журналистики стало логичным продолжением школьных литературных успехов. В городскую газету «Наш город» ее взяли уже на третьем курсе журфака, но сначала только внештатным корреспондентом, и два года она ходила в выходные дни на спортивные мероприятия, а потом отписывалась колонкой. Спортивная тема ее не вдохновляла, но она знала, как правильно строить тексты, как брать интервью, материалы были неплохие, но обычные, ничем не выделяющиеся и не запоминающиеся. Она честно старалась, читала спортивные подборки в Интернете, заглядывала на страничку «Отечественного спорта» и недоумевала, зачем известный спортивный комментатор в который раз обещает побриться наголо, если сборная России не выйдет в плей-офф. Юлька ни за что бы не рассталась со своими шикарными волосами из-за каких-то неумелых футболистов. Другое дело, военная или гражданская журналистика, где можно проявить себя как личность. Но где взяться такой журналистике в провинциальном городке? Спортивную тему наконец отдали вновь пришедшему в газету журналисту Гоше, а Юля, которая теперь работала в газете на постоянной основе, выполняла задания главреда и писала в основном на социально-политические темы, и ей это нравилось гораздо больше, чем томиться на спортивных площадках.

В редакции было шумно, Юля раздвинула на своем столе бумаги и среди них нашла кружку. Утро в редакции начиналось с чаепития, это было традицией – пить чай и обсуждать

городские новости. Они, то есть новости, имели обыкновение скапливаться у ответственного секретаря газеты Милы Сергеевны. Она знала, что происходит в городе, потому что везде у нее были «свои девочки» – секретарши, знакомые, знакомые знакомых, родственники знакомых, одноклассники знакомых и родственников, и эта цепочка не кончалась. Каждое «звено» информационной цепочки Милы щедро делилось тем, что знало, а если и не знало наверняка, то добавляло что-то от себя.

– У зама мэра по социальным вопросам – сын-наркоман.

– Что вы такое говорите, Мила Сергеевна?! – возмущалась корректор Римма. – Как же его назначили отвечать за социальные вопросы?

Мила держала паузу и помешивала чай красивой ложечкой.

– Девочка моя, я всегда говорю то, что знаю наверняка, только вот источник свой выдать не могу!

– Да какой это источник, сплетни это! А журналист не может сплетнями заниматься.

– Журналист может все! Сплетни, моя дорогая, это неверные сведения, а мы любые сведения проверяем – верные, неверные и выбираем, какие сочтем нужными. Материал можно сделать и на слухах, и на сплетнях, было бы желание.

– А как же достоверность?

– Достоверность, когда ты точно уверена, что в этом слове надо поставить букву «а», а не «о». Остальное называется журналистским мастерством.

– То-то вы недавно с фотографией депутата Семешова лажанулись!

– Так он сам виноват, прислал свое фото в кепке, а оно в кепке никак не ложилось, я и попросила другую фотографию, без кепки. Он, как оказалось, в командировку уехал, газету сдавать надо, вот мы с верстаком небольшую прическу ему приделали. Кто же знал, что он в жизни лысый? Ничего, Семешов не расстроился, до сих пор смеется, говорит, у меня давно таких кудрей не было.

Юлька развеселилась, потому что живо представила, как лысый депутат увидел свою косматую голову на фотографии в газете.

– Мила Сергеевна, вы неотразимы! Любые промахи переводите в успехи, и эта позиция мне нравится!

– Семешов потом конфеты в редакцию приносил, извинялся, что в командировку не вовремя уехал. Римке конфет не досталось, вот она и злится.

– Скажете тоже!

– Все на планерку! – раздался зычный голос секретарши из приемной, и компания двинулась по коридору в кабинет Главного.

Егор Петрович Заурский рулил местной газетой лет двадцать, сколько помнила Юля местную газету, столько там был Заурский. Он первый в городе решил сделать независимую прессу и не прогадал, газета стала его удачным бизнес-проектом, творческой реализацией, делом всей жизни, семьей. Сегодня на планерке главред был зол.

– Наш тираж падает. Еще в прошлом месяце газета держала тираж двадцать тысяч, а в этом месяце – восемнадцать. Вы слышите, восемнадцать! Это катастрофа, дети мои!

Заурский почему-то всех называл «дети мои», и даже Милу Сергеевну, которая в дети ему никак не подходила по возрасту. Отдел продаж в лице шустрого Арсения Римьянова тут же рапортовал:

– Не смертельный это возврат, Егор Петрович! Были времена и похуже, потом тираж восстанавливали.

– Ты что, обстановки не знаешь? Нынче в стране кризис. Люди на наше чтение не хотят деньги тратить, две тысячи человек не хотят! Значит, нет у нас материалов, которые бы читались запоем, рассказы о которых передавались бы по городу. Включаем все свои мозги, дети мои, давайте креативить, идеи разрабатывать, придумывать, чем покорять читателя.

Мила Сергеевна скривилась:

– Да мы и так конкурс за конкурсом проводим, рекламодателей во все места зацеловали.

Может, люди стали о пищеварении заботиться и газет советских не читать, как у Булгакова?

– Ваши шутки неуместны! – рявкнул Заурский. – Думаем, думаем!

– Вас срочно прокуратура! Возьмете трубку? – в дверь заглянула секретарша Сонечка.

– Давай сюда прокуратуру! – Главный взял телефон, и его настроение резко поменялось.

В глазах зажегся интерес, словно к ближнему свету добавился дальний.

– Не может быть, не может быть! – Он начал приплясывать около кресла. Что вы говорите! – Мы будем через полчаса. Все равно никто, кроме нас, эту информацию не даст, муниципальной газете, что кормится из бюджета, даже не разрешат к вам приблизиться. Она власть критиковать не смеет.

Есть! Эксклюзив есть! Тот самый, для читателей! Только что звонил городской прокурор, он обнаружил у себя в кабинете подслушивающее устройство и уверен, что это – дело рук нашего мэра. Через полчаса пресс-конференция в его кабинете специально для нас. – Главред оглядел собравшихся. – Юлечка! Собирайся, нынче твой выход.

Юлька взвизгнула от такой журналистской удачи, и через пятнадцать минут редакционная машина была у здания городской прокуратуры.

## Глава 2

Он любил открывать домашний сейф. Сейф был вмонтирован в стену подвала, потайная дверь замаскирована под кирпичи, и о том, что хранилище денег в жилище существует, знал только он. Мужчина каждый раз пересчитывал тугие пачки, гладил их заскорузлыми пальцами, вдыхал аромат. Ему казалось, что деньги пахнут по-особому: нереальным благополучием, счастьем, пальмами, морем – тем, что он никогда в жизни не видел. Он мог разговаривать с купюрами односложными фразами, которые, как ему казалось, деньги понимали.

– Как хорошо! – каждый раз произносил мужчина, когда подкладывал в сейф еще одну тоненькую пачку.

Жена, наверное, догадывалась, что есть место, где супруг держит накопления, но искать его «захоронку» у нее и в мыслях не было, а если бы мысль возникла, то у нее не было бы шансов найти что-либо.

Роман Шарулев был патологически жаден не только по отношению к родным и близким, он даже на себя не тратил лишнюю копейку.

Он был десятым ребенком в семье. Жили они в деревне под Томском. Жили бедно, голодали. Мать с отцом выбивались из сил, много работали, но прокормить такую ораву было сложно. Донашивая за старшими братьями обноски, Роман ненавидел свой старый дом с залатанной крышей, корову-кормилицу, которую нужно было выгонять утром и загонять вечером, трех своих сестер, которые вечно подтрунивали над ним и больно щипали. С восьми лет он жил в томском интернате и уже тогда знал, что в деревню к семье не вернется никогда, и хотел скорее забыть потрескавшиеся от работы черные руки отца, вечно грустные глаза матери и тяжелые кулаки старших братьев. Роман цеплялся за жизнь так крепко, словно бульдог, и не было такой силы, способной его оторвать.

Он с детства чувствовал себя обделенным, ему постоянно чего-то не хватало, и желание сэкономить – на продуктах, одежде, а потом на чувствах, – стало для него нормой. Шарулев не мог делиться тем, чего у него не было: материальными благами, светлыми эмоциями и чувственными переживаниями. В его голове был постоянно включен калькулятор, то и дело производящий вычисления.

– Шестьсот минус двадцать пять и плюс шестнадцать... и так далее.

Роман окончил институт и уехал в небольшой сибирский город, на легендарное предприятие, где изготавливались космические летательные аппараты. Несмотря на высшее образование, взяли его только рабочим, но пообещали место инженера, нужно было только подождать. Ждать Роман умел, и ждать пришлось недолго, шесть месяцев. Этого времени вполне хватило, чтобы у него возникли «отношения». С противоположным полом у Романа как-то не ладилось, он стеснялся своих бело-розовых рук с яркими рыжими веснушками, не умел общаться с девушками и, самое главное, не хотел на них тратить. Ведь если пригласить девушку на свидание, к примеру в кино, то надо как минимум купить два билета, а не один, а потом еще к этому может добавиться попкорн, мороженое и, не дай бог, шампанское. Девушкам только палец в рот положи, они заглотят руку по самое плечо.

Инспектор отдела кадров Танечка, куда Роман пришел устраиваться на работу, сразу почувствовала, что он холостой, и перешла к активным действиям.

– Роман, я приглашаю вас в кино, – без церемоний объявила она, когда Шарулев заполнял анкету для приема на работу.

– Я не хочу в кино. – Он стеснительно улыбнулся.

– Вы просто не знаете, какой замечательный фильм в прокате. Я куплю билеты и вам позвоню.

Шарулеву понравилось, что билеты покупает не он, поэтому поход в кино состоялся, как и прогулка в парке, где Таня покупала для них обоих мороженое.

Танечка уже дважды была замужем, и каждый раз неудачно, поэтому находилась в постоянном поиске и экспериментировала. Роману не надо было ни о чем беспокоиться – за все платила Таня. Она же проявляла всяческую активность в других направлениях, и ему оставалось только одно: не сопротивляться и «плыть по течению».

В результате продолжившихся отношений и последующей свадьбы Роман решил для себя сразу два жизненных вопроса: устроился технологом в сборочный цех и женился, прописавшись в квартире у родителей молодой супруги. Тане он сказал, что никого из родных у него нет, померли, Роман давно утратил связь с семьей, не виделся и не хотел вспоминать.

Родители жены помогали им материально, купили дочери однокомнатную квартиру, родился сын, и Шарулев был счастлив, у него появилось свое жилье, своя семья. С этого самого времени он начал вести тетрадь расходов и доходов, которая потом плавно перекочевала файлом «дом» в ноутбук. Роман приучил жену отчитываться за каждый потраченный рубль и ежемесячно тщательно все анализировал.

– Ты зачем покупаешь так много хлеба? Он черствеет, мы выкидываем его. Это преступление – выкидывать хлеб. Ты когда-то задумывалась над этим? – пенял он жене.

Татьяна не только задумывалась, но и прикидывала, что же будет, если родители перестанут ей подкидывать деньги? Она просто «пойдет по миру», потому что с таким режимом экономии нужно сидеть на хлебе и воде. Есть ли толк в том, что тридцать лет, изо дня в день, она помогала мужу двигаться по карьерной лестнице от инженера до начальника главного сборочного цеха режимного предприятия оборонки, если за каждую покупку приходилось «держать ответ». Осознание того, что ее избранник является Скупым рыцарем, пришло к ней слишком поздно, ей очень хотелось выйти замуж. Уже потом Татьяна Шарулева поняла, что бороться с этой чертой характера мужа невозможно, и если бы она в самом начале разглядела скупердайсские наклонности избранника, то скоропалительно удалилась бы из его окружения.

Сегодня ей предстоял нелегкий разговор с Романом по поводу поездки на отдых. «Заходить нужно будет издалека», – решила Татьяна.

– Роман! Мне девчонки в бане говорили, что на озере Балатон хорошая грязь. Говорят, она лечит радикулит, а у тебя он хронический. Опять всю зиму будет «спину стрелять». Мы столько средств изводим на лекарства, все безрезультатно. Может быть, один раз съездить и хорошо пролечиться?

«Девчонками в бане» на самом деле были дамы бальзаковского возраста, жены начальников, ныне пенсионерки, посещающие оздоровительный центр предприятия. Про рекомендации и озеро Таня все придумала, просто ей уже давно хотелось куда-нибудь в отпуск. Именно уехать, а не выращивать помидоры и разводить кур на коттеджном участке.

– Грязь для спины здорово! – согласился муж.

– А может, поедем, Рома? Это не так затратно, папа денег подкинет на дорогу. А то ты опять работаешь и работаешь, себя не бережешь.

– Не получится! На предприятии проводится Совет Главных, у меня там и блок целый работы, и гости на мне. Не получится.

Ответ Татьяна знала заранее, и хорошо, что он нынче не завелся по поводу высоких цен на авиабилеты. А еще во время подобных разговоров об отдыхе он рекомендует жене поправить здоровье в местном профилактории, куда ей выделяют бесплатную путевку.

Ничего не получалось, да и о чем можно договариваться с мужчиной, который не оставляет чаевые в ресторане, постоянно высчитывает, прикидывает и старается выгадать даже в мелочах? Если Шарулеву посчастливится купить что-то на сто рублей дешевле, то он радуется этому факту и постоянно вспоминает «необыкновенное везение». А подарки? Скромные букетики цветов и конфеты с коньяком, который он потом выпивает сам, подчеркивая свою

щедрость. Если бы ему не надо было появляться на корпоративных мероприятиях в сопровождении жены, не соответствовать статусу руководителя, то не видать бы Татьяне золотых украшений и новых платьев, которые каждый раз покупаются со скандалом, да и то половину денег дает папа.

– Это очень дорого, Таня, – настойчиво говорит муж. – Ты ведь отрежешь этот ценник с платья? Там платья висят подешевле!

– А ты думаешь, твое руководство не отличит Италию от Турции? Хорошо, я могу пойти в старом купальнике!

После этих слов он недовольно морщился и словно выдавливал из себя:

– Хорошо, покупай, – и потом не разговаривал три дня.

Куда он копит деньги? У гроба карманов нет, Татьяна хочет получать удовольствие от жизни сегодня, а не слушать разговоры про какую-то «обеспеченную старость», она уже пенсионерка, в конце концов. Интересно, а может, ее муж хочет заткнуть за пояс долгожителя Китая, которому было двести пятьдесят шесть лет?

Когда-то в молодости она пыталась заняться его перевоспитанием, понимая, что чувства не измеряются хрустящими купюрами. Татьяна говорила своему мужу, что он самый понимающий, щедрый, заботливый, и удивлялась, что Шарулев соглашался, но потом говорил другое.

– Ты пойми, не обязательно ездить на дорогой иномарке, достаточно скромной машины.

Единственное, чего Роман не терпел и что могло поменять решение, – сравнение с сослуживцами не в его пользу, которые ездили на дорогих иномарках и покупали своим женам бриллианты. Таня чувствовала, как у него что-то скрипело внутри хрипло и натужно, как жернова, которые перемалывали его принципы в пыль, и ему приходилось соглашаться на то, что для него было несвойственно.

У Шарулевых не было друзей, потому что друзья – это прежде всего расходы. Когда женился их сын, Шарулев-старший срочно улетел в командировку в Москву, возможно, была такая производственная необходимость, но Таня догадывалась, что он просто не пережил бы количества гостей, которых умудрились пригласить на свадьбу молодые. Деньги на свадьбу сына ей пришлось взять у отца, который не переставал удивляться зятю.

– Ладно, он тебе платье лишнее не купит. Вам, женщинам, сколько ни покупай платьев, все мало. Но сын-то у него один, его свадьбу по-человечески надо отметить, а он сбегает в Москву!

– Да, папа, его не переделаешь, а может, и правда дела в Москве неотложные.

– Ага, знаю я его дела! Лишнюю сотню не потратить. Зять называется – бутылки мне за всю жизнь не поставил, а за мой счет пить, так пожалуйста.

– Не цепляйся к нему, папа. Какой есть, такой уж есть. Я приспособилась к нему.

– Ну, дочка, «прынца» ты отхватила. Наверное, на мои похороны деньги копит, да я вас не порадую, помирать не собираюсь.

Но свадьба сына уже была семейной историей, нынче Татьяне во что бы то ни стало хотелось убедить мужа отдохнуть, найти аргументы. Безвыходных положений, как известно, почти не бывает.

Но мысли Романа сейчас были заняты предстоящим Советом Главных и интригой, которая там развивается. Доклад поручено делать ему, и обязательно нужно закрепить мотивацию смежников при голосовании.

Высшее руководство было в Москве, оттуда координировалась работа всех оборонных заводов, на которых сосредотачивалось производство космических аппаратов. Последний год Совет Главных склонялся к мысли утвердить сибирское предприятие как ведущее. Что последует дальше, Шарулев хорошо знал, кроме прямых федеральных инвестиций и увеличения заказов на производство космических аппаратов, будут новые федеральные программы, а все это деньги, миллиарды государственных денег, от которых нужно суметь отщипнуть кусочек,

чтобы и государству осталось, и тебе, любимому, на жизнь хватило. Его калькулятор всегда считал правильно в свою пользу.

## Глава 3

Прокурор Иван Николаевич Кочетов поссорился с местным градоначальником Вадимом Сергеевичем Вороткиным. Подобная история уже была описана у Николая Васильевича Гоголя, но если в классике причина ссоры понятна и очевидна: один назвал другого «гусаком», то между Кочетовым и Вороткиным пробежала «черная кошка по кличке Коррупция».

Краевая прокуратура настаивала на раскрытии коррупционных дел на подведомственной территории. А раз руководство громкогласно объявляет войну с коррупцией, то должны быть и громкие дела, а они никак не склеивались. Настырный Кочетов закидал администрацию письмами, представлениями, запросами, проверками. Вадим Сергеевич, поняв, что прокурорские не отстанут, пытался усовестить Ивана Николаевича и в сердцах ему пригрозил.

– Это вы мне угрожаете? – спросил Кочетов.

– Я всего лишь предупреждаю. Вы парализовали нашу работу, Иван Николаевич!

– Работайте в рамках законодательства – и вопросов к вам не будет. А пока письменно ответьте, почему приобрели мазут для городской котельной по завышенной цене?

– Мы уже написали вам ответ.

– Надеюсь, что ознакомлюсь. А потом другие вопросы задам.

– Например?

– Как вам удалось, работая в должности главы города, всего за два года купить квартиру в столице в центре Садового кольца? У вас в мэрии станок денежный имеется?

Прокурор немного блефовал. Он, проживший всю жизнь на одну зарплату, понимал без объяснений, что даже десяти мэровских окладов не хватит на те материальные блага, которыми так откровенно пользовался Вороткин, но все обвинения голословны, без доказательств, и он занимается непозволительной для прокурора провокацией. Вадим Сергеевич, в свою очередь, имел эти бонусы на рабочем месте давно, расслабился и поверил, что так может быть всегда. Каких-то «прокурорских», позволяющих грубо разговаривать с ним, он терпеть не собирался.

– А вы уверены в своей информации? А то ведь по судам за ложь затаскаю.

Конфликт разрастался, как по цепной реакции, в него втягивалось все больше и больше людей. Прокурор начал глубоко изучать вопросы, связанные с самой персоной мэра, а через неделю случайно обнаружил в своем кабинете прослушку. Один «жучок» нашелся в телефонном аппарате, а второй был прикреплен к проводу телевизора и включался, когда вилку втыкали в розетку. Прокурор до недавнего времени был уверен, что уж его-то кабинет вне контроля. Ивана Николаевича накрыл приступ бешенства, он нервно мерил шагами кабинет и кричал:

– Скажите, как такое возможно, что у прокурора... у городского прокурора стоит прослушка?! Почему не производите следственные действия? – Это он кричал в адрес следователей. – Я найду, кто это сделал, и сотру в порошок, а пока... – Он аж задохнулся, и его и без того красная толстая шея налилась кровью и стала багровой. – Я обо всем расскажу журналистам, чтобы у этого чиновничка назад дороги не было, и он не вздумал со мной играть в кошки-мышки.

То, что прослушка была делом рук Вороткина, Иван Николаевич не сомневался.

– Может, зря, журналистов позвали? – тихо спросила секретарша.

– Не зря! Я знаю, что делаю. Журналисты должны увидеть все своими глазами и понять, что у меня не приступ сумасшествия.

Кочетов не привык отступать от своих намерений, потому что считал себя настоящим мужиком, особенно когда речь шла о справедливости. Он не сдавался и не прогибался под давлением начальства, которое в конце концов предпочитало с ним не связываться. Но когда человек упертый, он не всегда просчитывает последствия своих действий, и иногда его борьба

со злом приносит столько зла окружающим и проблем ему самому, что лучше бы он ни за что и не боролся.

На пресс-конференции Юля Сорнева только и успевала делать пометки, она сильно волновалась – шутка ли, прослушка у прокурора, но потом решила развеять свои сомнения.

– Иван Николаевич, вы утверждаете, что прослушка поставлена главой администрации Вадимом Сергеевичем Вороткиным. У вас есть доказательства?

– Я основываюсь на профессиональном опыте, – ушел он от ответа.

– Вы убедились, что в вашем кабинете обнаружены отпечатки Вороткина или кого-то из городской администрации?

– Идут следственные действия, и я ничего не могу представить в доказательства. Но сегодня я делаю официальное заявление: в моем кабинете обнаружено прослушивающее устройство, и это дело рук Вороткина.

Юля вылетела с пресс-конференции как ошпаренная. Материал словно жег, нуждался в срочном написании, но Юле, конечно, требовался совет главреда.

– Да уж, подкинул черт нам этот матерьяльчик. – Заурский не знал, радоваться или огорчаться.

– Вы ведь сенсацию хотели, вот и сенсация на первую полосу. Я не помню, чтобы у нас в газете раньше такое было.

– Ладно ты, молодая, не помнишь, но и я, старый черт, такого не помню, а я работаю здесь столько, сколько не живут.

– Скажете тоже, Егор Петрович! – от души рассмеялась Юлька. – Что делать-то будем? У меня сенсация практически готова.

– Мне это напоминает «Черного лебедя». Теорию ливанского ученого Нассима Талеба, экономиста и философа. «Черными лебедями» он назвал редкие неожиданные события, которые могут повлечь за собой неожиданные последствия.

– Не знала. А может, заголовок дать: «Черный лебедь прокурора Кочетова».

Юля уже начала писать текст, и слова сами складывались из букв и соединялись в предложения.

– Вот такие бы темы всегда были, что не оторваться.

Вскоре Егор Петрович Заурский был вызван в кабинет мэра. Глава администрации Вадим Сергеевич Вороткин нервно ходил по кабинету из одного угла в другой.

– Вы, конечно, понимаете, что материал о пресс-конференции прокурора давать нельзя?

– Нет, не понимаю. – Главред понял все и сразу, но решил не сдаваться.

– Вы идиот или только прикидываетесь?! – Вороткину было не до церемоний.

– Прикидываюсь!

– Я так и понял. Слушайте меня внимательно. С прокурором у меня действительно недопонимание, не конфликт, я подчеркиваю, а недопонимание. Он, для того чтобы отличаться перед Генпрокуратурой, просто не дает нам работать.

Градоначальник действительно свято уверовал в то, что прокуратура мешается у него под ногами. Когда-то начальник отдела кадров строительной компании Вадим Вороткин был далек от политики, но судьба позабавилась над ним, начальство решило, что он должен представлять предприятие в администрации. Выполнение поручения затянулось, Вадим дослужился до мэра и быстро понял, какую материальную выгоду, по сравнению с хилыми возможностями отдела кадров, можно извлечь из власти. Это дураки типа Кочетова бьются за непонятную справедливость, которой по определению быть не может. Но шум в прессе ему не нужен совсем.

– Про пресс-конференцию рассказывать нельзя!

– Вы серьезно так думаете?

Мэру казалось, что журналист смеется над ним. Вороткин уже жалел, что затеял переговоры, с такими нельзя договориться, их надо уничтожать.

– Егор Петрович, сейчас не то время, чтобы раскачивать лодку.

– Времена всегда не те. Знаете, Вадим Сергеевич, вы разбирайтесь с прокурором сами. Какие у вас отношения, меня это не касается. У меня есть официальное заявление официального лица, оснований не давать его у меня нет.

– Вы уверены в своем решении?

– Я человек законопослушный, а по закону, если информацию распространяет официальное лицо, заметьте, я каждый раз акцентирую, что прокурор официальное лицо, он и несет всю ответственность. Так что, Вадим Сергеевич, если вы будете судиться, то не с газетой, а с прокурором. Я могу быть свободен?

– Вы очень пожалеете, если публикация выйдет.

– Конечно, конечно.

Егор Петрович вышел из кабинета Вороткина в прекраснейшем настроении. Конфликт с мэром – это то, что газете сегодня нужно. Подумать только, утром он не предполагал, что день сложится так удачно.

## Глава 4

Егор Заурский решил, что для этого выпуска тираж нужно поднять до максимума: слухи о пресс-конференции прокурора уже гуляли по городу, и число потенциальных читателей, несомненно, увеличится. На первой полосе газеты, – а не секрет, что газета начинается и продается именно с первой полосы, – верстак придумал суперколлаг: человек, похожий на Вороткина, под столом устанавливает микрофон, а на столе крупными буквами написано: «Прокуратура». Главреду первая полоса понравилась, она «цепляла», привлекала внимание, возникало желание узнать, что дальше. В Юльке он тоже не ошибся, статья получилась яркая, убедительная, эмоциональная и немного смахивающая на газетную «утку». В этом и состоял особый драйв, все написанное было правдой. Выходу макета газеты предшествовала бессонная ночь главреда, который то и дело задавал вопрос: «А тебе это надо?» И получал свой же ответ: «Да! Иначе гнать тебя, Егорка, из журналистики поганой метлой. Вороткины приходят и уходят, а ты работаешь в газете и работаешь, вон сколько мэров пережил. А что до угроз, так это не первый и не последний раз и к ним не привыкнешь. Это как дождь, вот он моросит, значит, и реакция должна быть соответствующая – раскрой над собой зонтик – и тебя не замочит».

Он выпил коньячка, и тяжесть на душе уменьшилась до копеечной монетки. Жена что-то бормотала во сне, и Егор заботливо укрыл ее одеялом.

– Не спишь. Опять про свою работу переживаешь? Ложился бы уже. Не вздумай коньяк пить!

За много лет совместной жизни они научились понимать друг друга без слов, и когда вдруг ночью ему хотелось сесть за компьютер, потому что текст складывался в голове и требовался немедленный выход, она тоже просыпалась, чувствовала, что его в постели нет.

Собственно, сегодня у него никаких других вариантов решения не было, материал он даст, несмотря на возможные противодействия власти. Ну, скупят чиновнички весь тираж, но тема-то долгоиграющая, ее тянуть можно долго. Мэр сначала расскажет, что прокурор врет, потом прокурор выступит и будет обличать мэра. А газета – она трибуна для этих выступлений. Общественность возмущается, одни депутаты будут мэра защищать, другие – прокурора. Кстати, по своим каналам Заурскому удалось выяснить, что «жучки» очень дорогие, сделаны по последним технологиям, являются дефицитом на черном рынке и были установлены профессионально. Вороткина, скорее всего, интересовали диалоги в служебном кабинете, но вряд ли Иван Николаевич многословил по телефону, а на своем рабочем месте обсуждал что-то сверхважное. Заурский вдруг вспомнил классику жанра, так сказать хрестоматийный пример, о котором рассказывали на лекции: в 1945 году послу США в СССР Авереллу Гарриману пионеры подарили американский герб. Растроганный посол повесил подарок советских детишек у себя в кабинете. Почти через десять лет американцы узнали, что в гербе было установлено подслушивающее устройство.

Интересно, кто-то чинил прокурорский телефон? Когда рассказывают о прослушке телефонных линий в Совете Европы, то вроде и удивления нет. Капиталисты понимают, каким товаром является информация, а у нас в стране только что и командуют – «пущать или не пущать». Заурский вспомнил перекошенное недовольное лицо мэра и решил, что хлеб он свой ест не зря.

Егор Петрович стал журналистом случайно. Еще в школе с приятелем шутки ради он выпускал классную газету. Газета выходила каждый день, благо на задней парте, где они сидели с другом Венькой, ребята могли спокойно заниматься своими делами. Они старательно записывали новости с уроков, подсчитывали средний балл оценок за день, и у них выходило, что если взять три пятерки отличницы Леночки и двойки отпетого хулигана Генки, то средняя оценка по классу всегда хорошая. Венька хотел стать журналистом, более того, его сестра Рая вышла

замуж за известного сибирского журналиста Юрия Новикова, и пример был у него перед глазами. Новиков вел радиоальманах «Молодость Сибири», его голос знал весь край, его узнавали в магазинах и на улице. Люди предлагали темы для передач, брали автограф, фотографировались и приглашали в гости.

– Я тоже буду известным, – заявлял Веня.

– Ты, может, чего не догоняешь? Это ведь надо людям помогать. К тому же ты в трех словах шесть ошибок делаешь, меня рядом не будет, кто ошибки исправлять станет? – возражал Егор.

Журналист Юра Новиков Егору тоже нравился, он совсем не задавался перед мальчишками, пел песни под гитару, рассказывал о походах в тайгу, о том, как готовит программу про ветеранов Великой Отечественной, и выходило у него все так складно и интересно, что было понятно, занимается человек любимым делом.

– Такая идея с ветеранами возникла, чтобы каждый из них рассказал, где встречал победу, и программа получила название «Моя Победа». Старики плакали и вспоминали этот день. – Юра помолчал. – Я тоже плакал вместе с ними.

В десятом классе Веня стал печататься в местной газете, но заметки были маленькие и какие-то неинтересные.

– Мне надо при поступлении на журфак приложить публикации, это засчитывается как творческий конкурс. – Он потупил глаза. – Новиков договорился, что напечатают.

– А ты интересно писать не пробовал? Смотри, ты пишешь про школьную спартакиаду сплошные штампы.

– Попробуй сам без штампов!

– Да без проблем. Скажи, о чем надо написать.

Веня оживился:

– Про чемпионат школы по шахматам, ты же в этом разбираешься.

– Напишу, ладно. Проба пера! Гонорар – пополам.

– Да мне не платят.

– Ну, будущий гонорар пополам.

– Заметано!

Редакция местной газеты отметила хорошие тексты юнкора, и Веня благополучно получил справку о публикациях для поступления в вуз. Заурский грезил физматом, но на экзаменах недобрал баллов и отправился в армию. Веня поступил в Сибирский университет на факультет журналистики. Письма от друга сначала регулярно приходили в дальневосточную воинскую часть, но потом приходиться перестали. Когда Егор Заурский вернулся из армии, он узнал, что Веня погиб, утонул, спасая ребенка.

Осенью Егор подал документы в Сибирский университет на факультет журналистики, и поэтому с пути-дороги ему не свернуть, он живет и работает за двоих, за себя и за друга Веню.

## Глава 5

Новое задание казалось Юле скучным. Накануне Дня космонавтики записать интервью с генеральным директором «Орбитальной группировки» Владимиром Николаевичем Яценко.

– Егор Петрович, тоскливо это, пресно, тухло. Скучно, наконец!

– Юля, ты забыла, в каком городе мы живем! – Он ткнул пальцем вверх. – Половина спутников, что болтаются «там», выходят из наших сборочных цехов. Да, это не скандал с прокурором! Но в чем состоит мастерство журналиста? Сделать из любой информации фурор, фейерверк. А ты... Тоскливо! Тоже мне, молодежь перспективная называется. В бой, девочка моя, в бой!

Юлька скривилась. Производство спутников, даже если оно крутое, удел специалистов, и она пока совершенно не понимала, что же такое интересное у Яценко можно спросить. Журналисты – профессиональные дилетанты, и должны разбираться во многих вопросах. Она, конечно, «пошерстит» Интернет и поговорит с папой.

Юлин отец, Евгений Валерьевич Сорнев, космонавтику считал своей судьбой. Когда-то, окончив Баумановское училище, он серьезно увлекся летными машинами и даже написал заявление в отряд космонавтов. В космический отряд его не приняли по состоянию здоровья, поставили диагноз «гипертония», но его нестандартные технические мысли заметили и предложили работу в научном центре космодрома Байконур. В разное время космодром назывался по-разному: «Научно-исследовательский испытательный полигон № 35 Министерства обороны, полигон Тюра-Там», в переводе с казахского означающее «священное место», еще назывался «Южным», но Байконур, самое удачное и «очеловеченное» название космической площадки. Евгению Сорневу Байконур заменил многое. Его картина жизни состояла из одной работы, только работы и еще работы. Любимая и единственная дочь Юля в основном росла без него – с бабушкой, а потом враз стала взрослой, самостоятельной и красивой девушкой, которую он зачастую стеснялся и с которой не знал как себя вести. Когда еще была жива его мама, она подробно рассказывала, как они жили без него эти «командировочные полгода», и обязательно говорила, что нужно делать: куда с дочерью пойти и о чем поговорить. Потом мамы не стало, Евгений Валерьевич растерялся, он не знал, как поддерживать отношения с дочкой, Юля уже заканчивала институт, работала и, как казалось ему, в отце особо не нуждалась. Отец и дочь виделись редко, между длинными полугодиями работы было несколько выходных, он приезжал в город на побывку, они шли гулять в парк, и он просто слушал дорогую ему девушку, которая становилась все больше и больше похожа на мать. А Юлину мать он очень любил до сих пор. Но об этом думать было нельзя, потому что сердце начинало колотиться так сильно и неистово, что вскипала кровь, и потом несколько дней Евгений Валерьевич не мог ни спать, ни работать, что было для ученого такой специальности непозволительной роскошью. По книгам профессора Сорнева теперь учили в его Баумановском, а он и дальше погружался в глубокие научные космические изыскания, и на прочие проявления жизни он обращал мало внимания.

Ничего интересного Юлька в Интернете не нашла, лишь наукообразные доклады с сухими текстами, значит, следует идти от противного.

– Надо биографию его поизучать, спросить о хобби, например. Ну, какое может быть хобби у генерального директора «Орбитальной группировки»? Есть ли у него время на развлечения? Может быть, спорт? Сейчас модно быть здоровым, особенно в его возрасте.

Ничего оригинального на ум не приходило, а раз так, нужно отжаться спокойному течению мысли, и вопросы сами собой материализуются. Жаль, что не получилось пообщаться с отцом, у него очередная важная и срочная работа.

Кабинет генерального директора Яценко Юле понравился. Здесь даже по атмосфере чувствовалось, что хозяин волевой, основательный и серьезный.

– Здравствуйте!

Яценко появился из-за маленькой, почти потайной, незаметной двери, искусно замаскированной в стене. Юля вздрогнула от неожиданности. Владимир Николаевич остался доволен своим внезапным появлением и произведенным эффектом.

– Что, напугал вас? Это я, как Карабас-Барабас, живу за нарисованной дверью.

– Тогда вы – папа Карло. Это он жил в каморке под лестницей! – попыталась пошутить Юля. Начало диалога ей не понравилось. Глаза у генерального были злые, остро сверлили, как буравчики, а сам он заметно нервничал.

– Ну что же, давайте записывать интервью, тема понятна. Мне кажется, что люди, живущие в этом городе, должны знать, чем занимается наше предприятие, и гордиться его делами вместе с нами.

– Вы поэт, Владимир Николаевич! Спасибо, что согласились на интервью. – Она перестала волноваться, потому что поняла, что волнуется он, это было удивительно и явно не связано с ее интервью.

Юля начиталась в прессе его публикаций, тексты были пространные и касались глобальных задач космической отрасли. Генеральный «Орбитальной группировки», как ей казалось, витиевато отвечал на вопросы, из ответов вообще было непонятно, что он за человек. Юлька приготовилась к обратному: ей требовалось расшевелить, раскопать его душевную глубину, если таковая имеется, обострить проблемы: немало спутников улетело «за бугор», и есть о чем поговорить с генеральным.

– Срочный звонок, извините. – Яценко опять скрылся за дверью.

Секретарь, пожилая и строгая женщина в деловом сером костюме, принесла чай и внимательно посмотрела на Юлю.

– Пока Владимир Николаевич говорит по телефону, выпейте чаю. – Она натужно улыбнулась.

«Строгая, даже походка солдатская, выкидывает вперед ноги, словно на плацу», – подумала Юля.

Впрочем, на плацу Юлька никогда не бывала и, как учат маршировать солдат, не имела представления, но она была уверена, что походка у секретарши солдатская, а характер – железный. Дверь в стенке так и не открывалась, и девушка оглядела кабинет, пытаясь дополнить представление о его хозяине. Но ее ждало разочарование, рабочий стол был кристально чист, письменные приборы стояли в строгом порядке.

«Человек-маска, причем маска прочная, открываться не хочет».

У дальней стены стоял стеллаж, и его содержимое плохо просматривалось с ее места. Юля еще раз посмотрела на дверь, из-за которой никто выходить пока не собирался.

– Ну и сиди в своей каморке, а я поглазею по сторонам.

На стеллаже отдельная полка была занята под фотографии: Яценко с космонавтами, с руководителями страны и классика – с Учителем, гением космонавтики Ильей Гладковым. Владимир Николаевич на фотографиях или улыбался, или смотрел куда-то в сторону. А вот наконец то, что она хотела увидеть, – сувениры, макеты причудливых космических кораблей.

– Вот это проектировал папа, называется «Ураган». – Юля погладила холодный металлический корпус и посмотрела на часы.

– Владимир Николаевич! Может, мы встретимся в другое время? – Она подошла к закрытой двери, из-за которой раздался громкий хлопок, но ответа не последовало.

– Может быть, ему стало плохо. – Юля осторожно толкнула дверь, которая противно заскрипела и открылась.

– Владимир Николаевич! С вами все в порядке?

По центру небольшой комнатки лежал доктор технических наук, видный ученый, генеральный директор «Орбитальной группировки» Владимир Николаевич Яценко, и во лбу у него была большая дырка.

Юлька с трудом сдержала крик и порыв немедленно рвануть за секретаршей, но вовремя остановилась и сделала несколько снимков на свой супертелефон последней модели. Журналистская сущность заставила ее вести себя именно так.

На первую полосу газеты кадр получится впечатляющий. Яценко лежал, разбросав руки и ноги, словно замер в какой-то позе йоги, и только кровотокащее отверстие в голове лишало ситуацию комизма. Юле сначала не было страшно, но тело начала бить крупная дрожь. Страх навалился, накинудся, взял за горло буквально за пару минут. Юля закричала, и в кабинете тут же появилась «железная секретарша».

– Что случилось?

Юлька показала пальцем на лежащего мужчину, который только что называл себя Карабасом-Барабасом. Несостоявшийся герой ее интервью Владимир Николаевич Яценко был мертв.

## Глава 6

За два дня до встречи журналиста Юлии Сорневой с генеральным директором «Орбитальной группировки» Владимиром Яценко состоялся Совет Главных. Он начинался в десять, аудиторию медленно заполняли мэтры российской космонавтики. На самом деле Совет был неформальной организацией, где принимались решения рекомендательного характера, но потом эти предложения обрастали якорями и трансформировались в важные постановления правительства.

Глава космической отрасли Дмитрий Бразгин открывал Совет Главных, он был хмур и сосредоточен.

– У нашей отрасли сегодня непростые времена. – Тяжелая фраза словно застыла в атмосфере аудитории.

Тяжелые времена были не только в отрасли, но и в семье Бразгиных. Их единственный сын, Мирон, будучи в нетрезвом состоянии, сбил пешехода и скрылся с места происшествия. То, что с сыном давно творилось неладное, Дмитрий Олегович замечал, но это были какие-то маленькие отрывки, кусочки, частицы отношений отец – сын, всегда сложных и непредсказуемых.

Дима познакомился со своей будущей женой Еленой еще в институте, они сразу понравились друг другу. Вернее, Лена первая обратила внимание на спокойного и взвешенного однокурсника, сдававшего сессии на одни пятерки. При повторном рассмотрении он показался ей интереснее, чем напыщенные московские мальчики.

– Дима, тебя закадрили, – подшучивали однокурсники.

У девушки, кроме сумасбродного характера, было огромное преимущество: московская прописка и папа генерал. Лично к этому достижению она усилий не прикладывала, она такая была, и все тут. Поэтому Диме со временем предстояло сделать выбор – стать «вечным адъютантом» при генеральской дочке или ехать по распределению куда-нибудь во Владивосток. Уезжать из столицы не хотелось, как и возвращаться на родину в Нижний, и выбор был сделан рациональный, в пользу женитьбы на Леночке. Дима не то чтобы пожалел об этом, но осознавал риски, – потеряв свободу, он расставался и с чувством собственного достоинства.

Бразгин молча сносил упреки тещи, что ее дочь могла выбрать партию и получше, и недовольные взгляды тестя-генерала, который переводил его с работы на работу в поисках денег. Супруга Леночка трудиться не собиралась и порхала с подругами в поисках развлечений.

От всей ситуации, что сложилась вокруг Дмитрия, у него появилось чувство страха, которое притаилось где-то глубоко внутри. Сначала он боялся остаться без московской прописки, потом, когда эта проблема разрешилась, боялся потерять денежную работу. Когда родился Мирон, страх на время исчез, но тут Диму ждал удар по самолюбию. В свидетельстве о рождении у мальчика стояла фамилия жены и ее папы-генерала – Попов. Дима не выдержал.

– У моего сына должна быть моя фамилия – Бразгин.

– У нашего сына должна быть правильная фамилия, с которой можно успешно устроиться в жизни, – парировала Леночка.

– Он должен быть Бразгиным, – настаивал Дима.

Но силы в семейном споре были неравны, и он отступился. Новый страх, что у него могут отнять сына, навалился сильнее и безжалостней.

Но сегодня он впервые в жизни подумал о том, что жена с родителями настояли правильно, и у его сына другая фамилия, иначе новость о том, что сын Бразгина – преступник, красовалась бы на первых страницах газет.

Мирон, окончив модный институт по специальности «военный переводчик», никак не мог найти себя. Дмитрий Олегович пытался поговорить с ним по душам.

– Мирон, у тебя твердая почва под ногами, ты определяйся, чего ты хочешь?

– Я пока не знаю.

– Ну, если бы тебе было лет двенадцать, я бы согласился, а сейчас – нет. Институт ты хороший окончил.

– В этот институт вы меня с матерью затолкали, да дед подпинывал. А я не хочу переводить чужие мысли. Я хочу иметь свои.

Лена, пришедшая с очередного модного показа, вклинилась в разговор.

– Конечно, сынок, это очень важно – найти себя. У тебя вся жизнь впереди, никуда не торопись.

Бразгин не выдержал.

– А он и не торопится, мамочка! Его все в жизни устраивает. Папа ему дает денег, дед купил машину. Зачем ему вообще двигаться?

– Что ты меня все время машиной попрекаешь?!

– Правда! – вступилась за сына мать. – Как что, сразу говоришь, что он избалованный.

Надо радоваться, что у ребенка все есть.

– Я в возрасте нашего «ребенка» имел свою семью.

– Это потому, что ты удачно женился на мне.

Дальше разговор не имел смысла. Мать и сын хитро переглядывались – наша взяла.

В тот памятный день жена позвонила Бразгину, и он сразу понял, что произошло несчастье.

– Дима, Димочка, приезжай домой! – Он не помнил, когда она его так называла последний раз. Наверное, на свадьбе.

Дома его ждали испуганный Мирон и заплаканная Лена. Как оказалось, вчера ночью сын был с друзьями в баре, хорошо выпил и, когда возвращался назад, сбил человека.

– Он лежал на дороге, папа. Я не видел его, честное слово, не видел! Там была кровь, он стонал. Я так растерялся.

– Не волнуйся, сынок, все будет хорошо, – успокаивала его мать.

– Не будет, – вдруг сказал Дмитрий Олегович. – Мы воспитали подлеца, Лена. Наш сын бросил раненого человека.

– Дима! Вместо того чтобы думать, как спасти ребенка, ты морали читаешь?!

– Ты права, воспитывать уже поздно.

– Надо срочно искать адвоката! Я позвоню папе. – Лена кинулась к телефону.

– А ты сам ничего не хочешь сделать? Найти того человека, которого ты сбил, прийти с повинной в полицию, найти адвоката, наконец? Только сам, Мирон. Сам! Или военных переводчиков учили только транслировать чужеземные мысли, а свои выветрились совсем?

Мирон опустил глаза.

– Папа сейчас приедет и все попробует уладить, – обрадованно сказала Лена.

– Ну, вот видишь, сын, сейчас приедет «скорая помощь» в виде дедушки-генерала, а может, уже и с адвокатом, так что не волнуйся. Можешь пить дальше за рулем и куролесить.

– Отец, зачем ты так?

– Да что ты за такой жестокий человек, Бразгин! – кричала Лена.

– Да, да, – согласился Дима и ушел в свою комнату.

К страху, который постоянно жил в его душе, добавилась тревога, и он чувствовал, что силы его организма истощаются.

Выступая с докладом на трибуне, Дмитрий Бразгин не мог избавиться от чувства вины. Может, он зря так с сыном? Вон, другие детки и не такое выкидывают, и все им сходит с рук. Главное, чтобы не пронюхали журналисты. Поэтому свою планируемую пресс-конференцию он отменит под любым предлогом, потому что какой-нибудь писака-пронюха может что-нибудь разведать и задать вопрос, на который ему отвечать совсем не хочется. О проблемах

космической отрасли он расскажет журналистам в следующий раз. Да и нечем тут гордиться: последние два года спутники с завидной точностью падали в океан. В одних случаях отказывало оборудование, и спутник терял управляемость, в других – просто не долетал до своей орбиты, потому что на старте взрывалась ракета, которая выводила спутник на заданную траекторию. По каждому инциденту работала межправительственная комиссия, выводы которой были весьма обтекаемые – «человеческий фактор». На самом деле это означало, что в крушении ракеты «Удар-М» виноват конкретный «слесарь Иванов», который загадочно перепутал полюса у датчиков угловой скорости на борту ракетносителя.

Информационные агентства захлебывались в потоках новостей, называя взрыв «Удара-М» диверсией, потому что перепутать полюса у датчиков было невозможно, к каждому был подключен провод разного цвета. Чтобы перепутать провода, надо чтобы узел собирал «слепой слесарь Иванов».

Доклад закончился, начались выступления, и Бразгин с пристальным вниманием наблюдал за присутствующими, среди которых выделялся генеральный директор «Орбитальной группировки» Владимир Николаевич Яценко, в космической отрасли слывший корифеем, если считать, что космонавтика – это тоже искусство. Он был первым учеником основателя отрасли Ильи Гладкова, и фотография, где Гладков смотрит на ученика с любовью, давно обошла все российские издания. Владимир Николаевич периодически объявлял о том, что уходит на пенсию, и любил слушать, как он незаменим, говорил о преемнике и некоторым даже обещал свою должность. Но Дмитрий знал точно – Яценко никуда и никогда не уйдет, он не такой породы, он монумент, которого не сдвинешь и который еще при жизни умудрился сделать из себя легенду.

Вечером дома он с удивлением обнаружил, что в квартире нет ни жены, ни сына, а на кухне сидит тесть, бывший генерал, и пьет его водку.

– Не ожидал, зятек? – спросил он, поправляя редкие, как сломанные зубья у расчески, волосы.

– Не ожидал, – честно ответил Бразгин.

– Садись, налью. Водка, кстати, из твоего холодильника, как и закуска.

– Наливайте. – Дима поставил на пол портфель.

Тесть бывал у них дома нечастым гостем, в основном для того, чтобы удовлетворить материальные потребности дочери, повоспитывать зятя и внука.

– У вас что-нибудь случилось? – поинтересовался Дима.

– Случилось. Ты же знаешь, что Лена мне позвонила и рассказала, что произошло с Мироном.

– Знаю. Вы приезжали с адвокатом, – кивнул Бразгин. Ему совершенно не хотелось обсуждать эту историю с тестем.

– Не знаешь! – угрюмо произнес генерал. – Адвокат все придумал и пообещал вытащить мальчика из этого дерьма.

– Понятно.

– Да ничего тебе не понятно! Этот молодой остолоп отказался от услуг адвоката и пришел с повинной в полицию. Сказал, что должен свои проблемы решать сам. Лена сейчас тоже в полиции, ждет его.

– Может, это его настоящий мужской поступок?

– Да какой, к черту, поступок?! Он себе жизнь сломал!

– Пусть он попробует разобраться со своей жизнью хоть раз сам.

Тесть заплакал, беззвучно, его старческие слезы текли из выцветших глаз.

– Стараешься для нас, стараешься, а вы не цените.

Дима налил в стопку водки, выпил и впервые подумал о том, что неважно, какая сейчас фамилия у его сына, с фамилией он еще разберется, главное, что Мирон не трус и не подлец, а то, что было, – временная слабость, которую он поможет ему преодолеть.

## Глава 7

Сразу после Совета Главных Владимир Яценко возвращался из Москвы домой. Мужчина не любил летать на самолетах, не любил смотреть в окно при взлете и восхищаться уменьшаемым ландшафтом. Он боялся полетов и успокаивался только тогда, когда можно было выпить. Только в расслабленном состоянии генеральный директор «Орбитальной группировки» Владимир Николаевич Яценко мог преодолеть долгие часы в воздухе, которые разделяли его город и столицу.

Его давно считали ярким ученым в космонавтике, приглашали на заседания правительства, а уж коллегии без него не проходили. Яценко и сам привык к тому, что он незаменимый, что его докладами восхищаются, его цитируют, и его фото часто украшает журнал «Космические полеты». Наставник был бы доволен. Тут он себя оборвал:

– Ну, привык ты врать!

Профессор Илья Сергеевич Гладков вряд ли вспомнил бы студента Вову Яценко. Хотя, наверное, вспомнил бы, предмет «Двигатели космических аппаратов» он сдавал Гладкову несколько раз, а потом ходил в НОС – научное общество студентов и даже сфотографировался вместе с ученым. Да сухарь и зануда был этот профессор, что с ним так все носились! Подумай, пришли в его, а не в другую голову хорошие идеи. Экзамен у Володи Гладков принимал так, как будто издевался над ним.

– Ну что, молодой человек, слабо готовы вы к экзамену, очень неясное представление в вашей голове о динамике двигателей.

Яценко злился и смотрел на худые руки преподавателя в темных старческих пятнах и молчал. Ему бы получить заветную тройку с первого раза, не больше, а то в деканате лишат стипендии, Гладкову этого не понять.

– Тройку я вам поставлю, но это должно быть стыдно. Двигатели – будущее космонавтики. Кстати, я тут разработал очень интересную тему по двигателям. – Профессор постучал ладонью по своей папке, которая лежала на столе.

Когда буквально через минуту Илья Сергеевич вышел к кому-то из аудитории, Яценко машинально вытащил из профессорской папки несколько исписанных листков. У него не было никаких планов по этому поводу – он объяснял позже себе случившееся «приступом озорства и хулиганства».

В общежитии Володя внимательно посмотрел наброски и вдруг понял идею, связанную с электромагнитными волнами.

– А если учитель заметит пропажу?

С тех пор Володя Яценко издали начал наблюдать за жизнью профессора Гладкова, которого, как казалось, ничего не волновало, кроме науки. О пропаже бумаг из папки Гладков ни на кафедре, ни в деканате разговоров не вел. Илья Сергеевич был человеком рассеянным. Он вообще не смотрел по сторонам, а только себе под нос и все время что-то бурчал. Его открытия двигали космическую науку, он делился радостью со студентами, и когда случайно посмотрел чуть дальше носа, то увидел очаровательную студентку Лидочку, на которой тут же женился. Лидочка быстро стала ассистенткой профессора, сопровождала его за границу и вела все дела в России. Профессор Гладков умер через пару лет после женитьбы, Лидочка впала в депрессию, а Володя Яценко, не случайно оказавшийся рядом, хорошо умел утешать девушек. Ему нужны были оставшиеся записи из папки.

Он был вообще упорным и настойчивым в достижении цели, потому что часто наблюдал, что одни воплощают мечты в реальность, а другие опускают руки при первой же неудаче. Яценко хотел быть хозяином своей судьбы, лучшим из лучших, а не ведомым исполнителем,

и пусть он пока не хватал с неба звезд, он верил, что его час настанет. А пока до этого далеко, и нужно использовать не колеблясь обстоятельства и любые шансы.

Нужный момент он почувствовал сразу, как узнал о смерти Гладкова, и якобы случайно встретил в институте вдову профессора Лидочку. Завязать разговор с интересующей его особой не составило никакого труда, женщина попала под его обаяние.

Яценко знал, что ему нужны незаконченные научные работы профессора Гладкова, которых осталось великое множество. У него была конкретная цель, и если ради нее требовалось войти в доверие к десяткам «Лидочек», он бы сделал это не сомневаясь. У него ничего не было для хорошего старта, только амбиции, которые бередили почем зря и которые он собирался реализовать любой ценой. Платили за него в этом случае другие – сломанной судьбой, несбывшейся надеждой.

На процесс завязывания прочных отношений с Лидочкой ему понадобилась пара месяцев, а бумаги профессора, которые ему удалось тогда заполучить, работали на Яценко уже двадцать пять лет. Как эти четверть века ему удавалось удерживаться на плаву, известно только ему и богу. А сколько было желающих столкнуть, сдвинуть его, уменьшить заслуги перед отраслью. Где они теперь? Ау!

Он периодически рассуждал о том, что скоро уйдет на покой, и со смехом наблюдал, как начинает возню его окружение, как жуки в банке.

– Что будете пить? – Красивая стюардесса прервала его воспоминания и стояла совсем близко, были видны синие пульсирующие венки на нежной шее.

– «Хеннеси», и побольше. Еще лимон.

Стюардесса улыбнулась, ей был знаком этот тип пассажиров – статусные видные мужчины, боящиеся летать на самолетах. Коньяк был хорош, он знал толк в напитках.

– Вам стало легче? – Девушка продолжала улыбаться, словно не было в самолете легкой тряски, называемой умным словом «турбулентность». Его руки стали влажными, а в кончиках пальцев покалывало.

– Конечно, легче, а вот когда сядем в Москве, будет совсем хорошо.

– Вы не переживайте, у нас опытный экипаж, все будет замечательно.

– Конечно, конечно.

Молодая стюардесса напомнила ему дочку. Анечка также мило улыбалась и всегда была в хорошем настроении. Он дал единственной дочери хорошее английское образование, она занимается делом, которое ей нравится, – дизайнер одежды, но разве он мог предполагать, что будет саднить сердце, потому что ее нет рядом? Дочь была такой же напористой, как и он. Анечка быстро стала чересчур самостоятельной, сейчас снимает квартиру на берегу Темзы и редко звонит, а когда звонит он, то слышит общие фразы:

– У меня все в пределах нормы, не беспокойся!

Что это значит? Какая у нее норма и что будет, если установленные ею же параметры поменяются, он не понимал. Он очень любил дочь, она была его частью, его кровинкой. Жаль, что у него только один ребенок. И, может, зря не послушал тогда жену Веру, которая была против далеких путешествий их дочери. Впрочем, он всегда сам принимал решения. Нет, он тысячу раз прав! Детям из страны нужно уезжать, нет у нас стабильности, с экономикой творится неладное, доллар с евро скачут вверх...

В салоне объявили посадку, и Яценко снова напрягся.

– Вот сейчас самолет сядет, и в следующий раз поеду на поезде. – Он знал, что этого никогда не будет, три дня дороги большая роскошь, но мысленно успокоился тому, что у него может быть выбор.

Коллегия его утомила. На вечный вопрос: почему падают спутники, у него есть свое мнение, но он его никогда не выскажет, потому что оно опасно, слишком много в отрасли воруют. Предшествующий Бразгину начальник, например, очень намекал, что ему для реше-

ния всех жизненных вопросов не хватает десять миллионов рублей. Владимир Николаевич, конечно, осадил его мягко: нет у предприятия таких денег на «откаты», в результате федеральное финансирование задержалось на такие непотребные сроки, что он еле перекрыл недостающие финансы банковскими кредитами. Ничего, он привык держать удар! Яценко умеет быть ласковым и обаятельным, когда этого требуют обстоятельства, перешагивать через тех, кто был рядом, забывать хорошее, но не прощать обиды. Народ – это только масса, из которой можно «лепить» необходимое, которую нужно использовать, пусть с помощью лжи, интриг, коварства. Яценко неважно, кто и что о нем думает, он расчищает себе дорогу к намеченной цели. Он добился всего, чего хотел, но успокаиваться и «почивать на лаврах» ему нельзя, слишком много желающих «укусить» его побольней, подставить подножку и посмеяться за спиной. Таких людей он быстро вычислял и отдалял от себя навсегда. Ему ближе и понятней такие, как Ромочка Шарулев, который, заходя к нему в кабинет, словно сгибался напополам от усердия.

– Вызывали, Владимир Николаевич?

Ромочкины руки трясутся от напряжения и страха перед генеральным.

Пока Шарулев ему нужен, а если нужда отпадет, как ступень у космического корабля, то о Роме как о бывшем сотруднике на предприятии и не вспомнят.

Яценко вообще не любил ворошить старые истории и никогда не жалел о своих прошлых решениях, только вот последние месяцы память почему-то возвращала его к Лидочке Гладковой, чьей доверчивостью и беззащитностью он нагло воспользовался.

– Старею, что ли! – вслух сказал он.

Его прошлое – это приобретенный опыт, без которого не было бы настоящего и, он надеется, будущего. Владимиру было привычней вспоминать былое в лучшем свете, чем оно было, приукрашенное и преувеличенное. Сегодня его жизнь не стоит на месте, и ему не хочется причалить к спокойной гавани и отдохнуть, острых ощущений ему не занимать.

Взять хотя бы этот полет на самолете! Нет, он еще покажет всем своим соратникам. Кстати, дрянное шампанское было на банкете после коллегии, да и вообще он устал там от разговоров о стапелях, двигателях и пусках.

## Глава 8

– Ну, Юля, ты даешь! На твоих глазах произошло убийство! Ты просто вляпалась! И я вместе с тобой! – Заурский мерил шагами свой просторный кабинет.

– Что вы, Егор Петрович, как ледокол двигаетесь – туда-сюда?

– Сорнева, а ты настоящий ледокол когда-то видела?

– Не видела, но вы на него похожи!

– А на кого ты похожа? Чудо! Что с корифеем космонавтики сделала? Как все произошло?! Какой черт тебя понес на интервью? – Заурский спохватился, вспомнив, что «черта» организовал именно он. – Ну, дети мои!

– Вы наговорите, Егор Петрович, это не я! Я его не убивала.

– И на том спасибо, Юля. Я не сомневался.

– Я уже вам все рассказала, как и следственной группе, а тем аж два раза, они с первого раза ничего не успели записать. Ошибки в протоколе делают – кошмар, а еще высшее образование имеют! Я пока ошибки не исправила, протокол не подписала.

– Ошибки – это круто, Сорнева. Это по-нашему! Все остальное откуда?

– Не знаю я, клянусь, не знаю. Я этого Яценко первый раз в жизни видела. Я ждала его в кабинете, вопросы готовила и вдруг хлопок услышала, но не подумала, что это выстрел. Может, он там шампанское решил открывать, в своем тайном кабинетике? Он вообще странно себя для корифея космонавтики вел, бегал за эту дверку, бегал. Зачем бегал? Непонятно!

– Зато с тобой все понятно. Нам сейчас следствие на «хвост упадет», будет поддавливать, и это... – он задумался, – и это, Юльчик, совсем неплохо! – Настроение главреда заметно улучшилось. – Итак, все шипит, кипит и булькает. Мы будем версии следствия излагать, даже если это наши версии и слабые, но мы благодаря тебе, случайно оказавшейся в нужное время и в нужном месте, волею обстоятельств втянута в криминальную историю, имеем право и на свое виденье. А ты молодец, фотографии успела сделать. Газета выйдет завтра, вот будет многим сюрприз. Тираж опять поползет вверх.

– Егор Петрович, – Юля помялась, – мне не очень понравился Яценко, по крайней мере по ощущениям, но я действительно зачем-то оказалась там во время убийства. Какую-то миссию я должна дальше выполнить? Я хочу начать свое расследование этого убийства. Вы мне добро даете?

– У нас нет вариантов, Сорнева. Давай согласуем принципиальные действия. Только не двигайся как слон в посудной лавке, чтобы не покрушить пространство вокруг.

– Какой я вам слон? Я мышка маленькая и юркая, которая везде пролезет. Хочу пока информацию набрать, в Интернете поискать про персону Яценко, с соратниками и женой поговорить.

Юля не сказала о главном: она очень надеялась на отца, это как раз тот случай, когда папа должен помочь. Папа, как никто, разбирается в хитросплетениях космонавтики.

Но уйти в этот день из редакции без разговора с коллегами не получилось. Мила Сергеевна уже два раза под разными предлогами заглядывала в кабинет главреда и делала «страшные глаза». Около ее стола толпился народ, практически вся редакция вместе с верстальщиками газеты.

– Наконец дождалась! Рассказывай, – выпалила Мила Сергеевна и с завистью добавила: – Везучая ты, Юлька, сначала прослушка, потом убийство. Уж не припомню, кому из журналистов так везло.

– Скажете тоже, Мила Сергеевна, – протянула журналист Наташа. – Это же стресс какой! Я вот не хочу ничего такого.

– Поэтому и сидишь на «социалке», – огрызнулась Мила. – А Юлю читатели сразу запомнили. Ну давай, рассказывай! Как тебе в голову пришло его сфотать? Я бы в обморок плюхнулась.

– Ой, не знаю, сфотографировала, и все. Я тоже сначала впала в ступор, а потом затрясло всю.

– А фотографировала когда?

– В процессе ступора и сфотографировала. Да особо и рассказывать нечего. Нервничал он почему-то. Вроде большой начальник, а бегал в свой потайной кабинет, как пацан, по телефону с кем-то разговаривал. Знаю точно, что не понравилась я ему, не смогла психологически настроить на беседу, и знаю, что интервью не получилось бы. Не срослось у нас с ним сразу. Не понравились мы друг другу.

– Да придумываешь ты все! Интервью не состоялось. Это бывает.

– О! Спасибо, Мила Сергеевна! Я знаю, как будет называться статья: «Несостоявшееся интервью». Спасибо за идею.

– Спасибо в карман не положишь, – заулыбалась ответсек. – Думаю, что убийством будет заниматься центральный аппарат Следственного комитета. Яценко был слишком важной фигурой.

Уже вечером дома Юля прокручивала в голове события дня, о которых она умолчала в редакции. Она действительно сначала не чувствовала страха, у нее не было истерики, Юля долго общалась с ребятами из следствия, которые были немногословны на комментарии и только твердили:

– Выясняем обстоятельства убийства. За комментариями обратитесь в пресс-службу.

Причем эту фразу по очереди произносили все пять человек, один из которых, серьезный мужчина лет сорока, беседовал с Юлей.

– Да не нужны мне ваши комменты и пресс-служба не нужна. Пусть они сами ко мне за информацией обратятся, – заявила ему Юля.

То, что на месте происшествия оказался журналист, сыщикам явно не понравилось.

– Журналисты народ наблюдательный, может, вы обратили внимание на какую-то деталь, что-то вас насторожило?

– Я первый раз в его кабинете. Яценко тоже видела живьем впервые.

– А до этого?

– До этого про него лишь читала. Вы запоминаете мои ответы? Я уже говорила, что его раньше никогда не видела. Никогда!

– Кто договаривался с ним на интервью?

– Спросите у нашего главреда, мне кажется, что это инициатива пресс-службы предприятия, ведь через две недели – День космонавтики, народный праздник. Я задание получила от главного редактора нашей газеты Евгения Петровича Заурского.

– В чем состояло ваше задание?

– Записать интервью.

– А конкретно?

– Конкретно и записать. То есть я задаю вопросы, а он отвечает.

– Какие вопросы вы задавали?

– Скажите, – Юлька не выдержала, – вы учились в школе для умственно отсталых?

– Что? – возмутился следователь.

– Я же сказала, что вопросы задать не успела и вообще, кроме приветствия, ничего не произнесла, он почти сразу же ушел в кабинет, который замаскирован в стене.

Она думала, что загадочное убийство такой личности, как Яценко, может перевернуть науку космонавтику, в которой, как в любой отрасли, уже все «схвачено», денежные потоки определены и идут в «накатанном» направлении. Сейчас акценты сместятся так сильно, что

«Орбитальная группировка» может потерять центр тяжести, а фигура при смещении центра тяжести теряет устойчивость даже в положении равновесия. Это непреложный закон физики.

Следователи то топтались в громадном кабинете убитого, то что-то измеряли в маленькой потайной комнатке. Юлька пыталась разглядеть, что они там делают, но тщетно, всю панораму плотно закрывала широкая мужская спина. Строгая секретарша вмиг перестала быть строгой и «железной», по ее щекам текли слезы, помада потеряла цвет, а высокие каблуки ее черных туфель, так подходивших к деловому костюму, нервно царапали ковровую дорожку в кабинете. Женщина комкала в руке платок и повторяла:

– Кошмар! Не может быть, какой кошмар! У него сегодня запланировано столько встреч. Это невозможно.

– Не будет уже никаких встреч. – Юля протянула ей стакан с водой. – Возьмите себя в руки, уже ничего сделать нельзя. Примите мои соболезнования. Вы, наверное, давно с ним работаете. Каким он был человеком?

– Это вы! Вы зря сегодня к нему пришли! А я вас оставила с ним наедине!

– Я?! Да вы с ума сошли? Ваша пресс-служба просила интервью, я вообще в кабинете простояла зря.

– Он не хотел с вами встречаться. Он говорил мне это! А теперь ко мне лезете со своими дурацкими вопросами!

Тут один из следователей активно заинтересовался тем, что говорила секретарша.

– Вы только что сказали, что у Владимира Николаевича были основания негативно относиться к Сорневой?

Дама замерла, помолчала и выпалила:

– Он вообще не любил журналистов, называл их выскочками. Говорил, что с ними одно напряжение.

– За это не убивают, – встряла Юлька. – Пусть он как хочет нас называет, то есть называл, хоть горшками. Нашу профессию многие не любят.

– Вы не ответили на вопрос о журналистке Юлии Сорневой, – не глядя на нее, следователь обращался лишь к секретарше.

– А Сорнева – это кто?

– Это я. Юлия Сорнева, – усмехнулась Юля.

– Я вспомнила вашу фамилию. Я выписывала вам пропуск.

– Я так и не понял, – настаивал следователь, – были у убитого с журналисткой Сорневой неприязненные отношения?

– Не знаю. Я говорю, что он просто не любил писак! – сердито глядя на Юлю, повторила секретарша.

– Вы знаете, мне абсолютно наплевать, любил ли ваш начальник журналистов и меня лично. Абсолютно! – разозлилась Юлька.

Она вспоминала эту неприятную сцену, тело убитого Яценко в кабинетике, и мурашки побежали по коже.

– Папочка, приезжай быстрее и помоги мне разобраться, почему убивают «космических менеджеров», обласканных государством и правительством. Кто мог желать смерти известному и успешному Яценко?

## Глава 9

Краевой прокурор надрывно кричал в телефон:

– Ты что, посоветоваться не мог?! Зачем пресс-конференцию созвал, чудило? Мне в Генеральной прокуратуре пообещали погоны снять, если мы этот политический скандал не потушим. Просто пожар получился.

– Странная у тебя реакция, товарищ Хоркин, очень странная. Прокурорским прослушки втыкают, а мы молчим и тушим. Может, в пожарные переквалифицироваться?

– Да в том-то и дело, что не молчим, а тут же журналистов зовем! Тяжело было мне позвонить, Иван Николаевич?

– Тяжело, честно, тяжело. У меня просто приступ ненависти случился, если бы не выплеснул все эмоции, инфаркт бы получил.

Хоркин знал, что Кочетов будет искать любые законные пути для доказательства, и если не получится это сделать с первого раза, то повторит десятый, только борьбу не прекратит, не из такого он «теста».

– Инфаркт, похоже, у меня будет.

– Прорвемся. Ты результаты проверки знаешь? Когда будем Вороткина привлекать?

– В том-то и дело, что знаю. Отпечатки пальцев там твоего сотрудника – старшего помощника прокурора Ивлева. Только без глупостей, Иван Николаевич, без глупостей...

Но Кочетов его уже не слушал и скомандовал секретарше:

– Пусть Ивлев зайдет.

– Слышал я, что ты, Виталя, увольняешься! – без обиняков начал прокурор.

– Это с чего вы взяли, Иван Николаевич! Какие-то очередные слухи о прокурорских.

– Нет, дорогой Виталя. После того как мне сообщили, что твои отпечатки пальцев у меня на столе, делать тебе здесь нечего, раз ты меня, сволочь, продал. За сколько тебя Вороткин купил, даже уточнять не буду. Надеюсь, ты не прогадал.

Кочетов всегда говорил правду, то и дело вспоминал Максима Горького – «правда плохо пахнет». Прямолобый правдоруб, он иногда оказывался в собственной ловушке, люди не любят честность, да и зачем рассказывать, что друзья безразличны, жена надоела, а работой совсем не хочется озадачиваться. Как показывает практика, лучше тот, кто поддакивает или разводит руками, а кто честен, в итоге оказывается для многих врагом.

– Иван Николаевич, можно я объясню...

– Не надо, а то могу спустить тебя с лестницы. Ты знаешь, что я человек горячий, а здесь третий этаж, кости переломашь, мне потом больничный оплачивать.

Виталий Ивлев вышел от прокурора, он знал крутой нрав своего начальника, да и как объясняться с Иваном Николаевичем, он пока не придумал. Прослушку Ивлев не ставил, но видел, как ребята из отдела городской безопасности два месяца назад поздно вечером заходили в кабинет прокурора. Кочетов был тогда в командировке, а Ивлев задержался на работе. Уже после неожиданных визитеров он зашел в кабинет прокурора, сразу все понял, но решил, что связываться не будет. У начальников свои разборки, а если туда сунуться, то вполне можно остаться без головы, впрочем, и сейчас ему предлагают уволиться.

– Придется действительно к Вороткину обращаться, он мне когда-то место юрисконсульта предлагал, а то ведь прокурор работать не даст, будет грызть и грызть.

Иван Николаевич Кочетов остро переживал предательство Ивлева, ведь он взял Виталию на работу сразу после института и доверял ему.

– Старый черт, так тебе и надо! Уши развесил, болтаешь почем зря, а тебя враг слушает, да еще свои сдают.

Кочетов был человеком без компромиссов и делил жизнь на черное и белое. Он был не способен идти на уступки и лавировать. Прокурор, привыкший выносить обвинения, считал, что компромисс оправдывает подлость в отношениях и закрывает глаза на многое.

– Ты упертый! – говорила жена и была права, потому что он умел либо любить, либо ненавидеть.

Сейчас Кочетов ненавидел Вороткина и думал, как и на чем его подловить. Результатов проверки деятельности администрации по госзакупкам еще не поступило, но он уже знал, что это будет поводом для новой проверки и, даст бог, возбуждения уголовного дела. С журналистами, конечно, он поторопился, получилось, что обвинил мэра, а сподлючил его сотрудник, но делать шаги назад не собирался. Он вспомнил большие серые наивные глаза молодой журналистки, которая просто смотрела ему в рот и кивала при каждой произнесенной им фразе.

– Больше с журналистами не встречаюсь, интервью не даю. А Вороткин не посмеет сказать, что это клевета. Ему все равно недолго осталось вихляться на мэромском кресле.

Еще три месяца назад, когда скандал только-только назревал, умные люди предлагали ему встречу с мэром под коньячок. Иван отказался, не мог он себя пересилить и тянуть коньяк за одним столом с Вороткиным:

– Себя уже не переделать!

Последние месяцы он втайне от всех ждал перевода в столицу. В свое время он хорошо поработал по «узбекскому делу» в составе столичной следственной группы и даже получил благодарность и подарок, часы с гравировкой, от министра. Часы давно сломались, но Кочетов хранил их в рабочем столе, на приглашения переехать на работу в столицу, которые он периодически получал от министерских, долго отказывался, но в последний разговор, что состоялся три месяца назад в командировке, согласился. Уж очень надоел ему этот маленький городок, тесно тут настоящему профессионалу, дела мелкие, пакостные, а труда затрачивается немалое.

Бросать все надо к черту, работу здешнюю и Вороткина. Но побежденным Кочетов отсюда не уйдет, догрызет этого негодяя. Тратить свое время на Ивлева он не будет, сделает подарок предателю Витале, пойдет на тот самый компромисс, который не признает, но на который решился, чтобы дальше не погружаться в клубок хитросплетений.

Его предавали и раньше, первая жена, красавица курса Эля, в которую он влюбился сразу и бесповоротно. Девушка была необыкновенно хороша собой, тоненькая, как березка, с серыми глазами и длинной косой.

– У тебя простоквашные глаза, – сказал он Эле в самом начале знакомства.

– Почему простоквашные? Белые, что ли, как у сваренной рыбы?

– Простоквашные, потому что светлые, нежные, глубокие, в них можно утонуть.

– Болтун, какой, Иван, ты болтун.

Она звала его строго и серьезно – Иван, и никак больше, ни тебе Ванечки, Ванюшки. И он сразу вспомнил эти ее глаза, у журналистки, которая приходила к нему, глаза были похожи на Элькины.

Они поженились на пятом курсе: Иван больше не мог пережить, что они должны расставаться на какое-то время, он хотел, чтобы они были вместе раз и навсегда, днем и ночью, в радости и в горе. Только так и не иначе, и Эля ему это обещала. Он устроился на работу сторожем, чтобы содержать семью, засыпал на лекциях, но был самым счастливым человеком, потому что Эля была рядом. Их одноместная кровать в двенадцатиметровой комнате общежития казалась ему верхом совершенства, потому что молодая жена спала у него на плече и он слышал ее дыхание. Как он любил Эльку, просто до невозможности!

В тот вечер на дежурстве у него разболелся зуб, и случайно забежал его сменщик, которого удалось уболтать остаться вместо Ивана до утра. Кочетов вернулся домой и увидел, что в коридоре Элю обнимает их сосед, а она смеется – весело и задорно. У Ивана словно помутни-

лось в голове, он ударил ее по лицу и выбежал из общежития. Институт он бросил и ушел в армию, а когда вернулся, то Эля уже уехала по распределению. Развели их быстро, но острая душевная боль осталась и все время саднила, как старая рана.

Иван окончил юридический, вгрызлся в работу, нагружал себя так, что организм скрипел и сопротивлялся. Женился он поздно и только потому, что его нынешняя жена сама проявила инициативу, а он не стал противиться и подумал, что так ему станет легче и он сможет забыть девчонку-березку с простоквашными глазами. Легче стало совсем немного, но вот парадокс – Элька не забывалась. Может, зря он тогда, не разобравшись, разрушил, растоптал? Может, надо было спросить, выслушать да вдарить по соседу, чтоб не смел трогать его жену. Но тогда ему показалось, что Эле нравились прикосновения чужого мужчины. Где-то Иван прочитал, что компромисс – это искусство разделить пирог таким образом, чтобы каждый думал, что ему достался самый вкусный и большой кусок. А если совсем не хочется есть, что тогда?

## Глава 10

Она опять отставала от поезда и бежала за ним, бежала. Ошметки грязи вылетали из-под колес и попадали в лицо, поезд набирал скорость и быстро удалялся.

– Подождите меня, подождите!

Юля открыла глаза. Опять дурацкий сон с поездом! Действительность была гораздо приятней и позитивней, чем сон, солнечные лучи щекотали нос и разбегались по лицу веселыми зайчиками. Юлька чихнула и рассмеялась. Она вспомнила, как радовались вчера за нее коллеги, как поздравляли с выходом новой громкой статьи. Наконец ее заметили, оценили материал. А ее следующая публикация будет еще лучше, Юля это знала и была счастлива. Егор Петрович в нее поверил, помог, а она уж расстарается, не подведет Главного. Сенсация досталась ей, и она воспользовалась улыбкой судьбы. Весь тираж газеты ушел влет, и вечером пришлось допечатывать, а все оттого, что читатели хотели прочесть именно материал журналистки Сорневой.

«Вы очень смелая» – так говорили люди, звонившие в редакцию, и благодарили ее.

Юля понимала, что ее смелость тут совсем ни при чем, вернее – это не ее смелость, а Егора Петровича, если бы он не сказал «добро», статьи не было бы совсем, а уж писать ее учили на журфаке целых пять лет.

Отец приедет из командировки через неделю, и у нее есть время пригласить девчонок из редакции, чтобы отметить первую яркую статью, – закатить пир на весь мир. Она купит хорошего красного вина, говорят, что оно полезно для организма, купит фруктов и закажет суши. Готовить Юля не любила, но сейчас так много продается всякой вкусной еды, что уметь готовить совсем не обязательно. Единственное, что плохо, ответсекретарь Мила – женщина курящая, и квартира пропахнет сигаретным дымом.

Юля вспомнила, как, будучи абитуриенткой, она впервые увидела курящую женщину. Ну так вот сложилось в ее жизни, что до семнадцати лет она не видела, как женщины курят. Она вообще почти не знала курящих людей. Папа не курил, его друзья тоже, а школьный сторож дядя Федя, куривший на заднем дворе, делал это украдкой и был пожилым человеком, вроде для него это было нормой жизни. Она даже до сих пор помнит, что звали эту курящую девчонку Нина Уфимцева и как она сказала Юле, смотревшей на девушку удивленными глазами:

– Ты что глазками-то меня сверлишь?

– Мне кажется, курить не очень правильно.

Нинка зашлась от смеха:

– Тебе неправильно – ты не кури, а я буду.

Уже потом, когда чуть ли не каждая вторая девчонка с курса смолила сигаретку, Юля укоряла себя: «Дебилка великовозрастная, взялась народ поучать...»

Но курить так и не пробовала.

Для нее на первом курсе вообще произошло много жизненных открытий. В комнате студенческого общежития они жили втроем, познакомились и подружились, откровенничали, и Юля опять удивлялась, но уже ничего не говорила вслух, когда ее соседка Шура рассказывала о своей семье.

– У меня папка очень красивый, и дамочки к нему просто липнут. Как там сейчас мать без меня управляется? Мы тут недавно с мамой ходили бить любовницу отца. А нечего на чужих мужиков заглядываться!

Юля про себя решила, что Шура все придумала, чтобы интересней рассказать, недаром на факультете журналистики учится, вымысел здесь приветствуется.

«Какая такая любовница отца! Бред! Мой папа вообще никогда не обсуждал других женщин, а чтобы вот так... Бред!» – думала Юля.

«Наивная дурочка ты была, журналист Сорнева. Все твои беды в личной жизни от того, что ты не можешь снять свои «розовые очки», они стали уже частью твоего лица, словно приросли к нему. Жизнь тебе уже понаставила много подножек, а ты ждешь какой-то неземной любви. Тебе Игоря не хватило? Скоро тридцатник грохнет, а ты прикидываешься ласковой пони и бегаешь по кругу, а на самом деле – ты старая рабочая лошадь. Ну, хватит самокопаний! – И она набрала телефон Милы Сергеевны. – Надо устроить праздник!»

Редакция, словно большой муравейник, у каждого своя траектория движения, на первый взгляд не совпадающая, и редакционная работа непосвященному непонятна – ходят люди, кофе пьют, разговоры разговаривают, а потом раз – и выходит газета. Как кажется, что нет проще сооружения муравьиной кучи – всего лишь стожок сена, а там проросли корешки, дают всходы растения, и фундамент муравейника получается такой крепкий, что не смочет его ливень и не снесет ветер. Внутри муравейника – целый муравьиный город с подземными галереями и куполами, каждый «житель муравейника» имеет свою профессию, как и в газете, – у каждого своя задача, но труд артельный, и поэтому, как муравьишки передвигаются по отдельным тропкам, так и люди, к одной большой дороге каждый несет только ему понятную ношу. Если кто-то думает, что между муравьями и творчеством связи нет – глубоко заблуждается. Образ муравья-труженика часто используется в сказках, баснях, детских рассказах, в мифах и легендах, а уж если вспомнить Сальвадора Дали, на картинах которого встречаются муравьи, вопрос снимется сам собой, именно муравьи стали символом творческого порыва. Юлька любила эту «муравьиную неуспокоенную творческую жизнь».

Редакционные девчонки пришли вовремя. Мила говорила за нее тосты, но как лесники все время говорят о лесе, журналисты – только о своей работе, и ответсек газеты здесь была лидером информации.

– Уедет скоро прокурор, помяните меня, уедет. Он перевода ждет, мне жена прокурорская шепнула.

– А зачем ему тогда скандал с Вороткиным?

– Да это Вороткин прокурора недооценил, прослушку сунул, нашел кому!

– И что будет?

– Ничего! Кочетов уедет с репутацией борца с коррупцией, которому пытались помешать. В выигрыше только прокурор и наша Юлька. Молодец, девчонка, написала остро, живо, интересно. Народ оторваться не может. В общем, давай за тебя выпьем.

Дамы чокнулись бокалами, и Мила продолжала:

– Мне и дома у тебя понравилось. Говоришь, папа ученый, на Байконуре работает?

– На Байконуре.

– Может, о нем написать в День космонавтики? Наверное, ему есть что рассказать.

– Нет, девочки, у него тематика работ закрытая, я сколько его в детстве выспрашивала, только отшучивался, говорил, что нажимает на кнопку и запускает космический корабль.

Римма зашептала на ухо Миле:

– Только про мать не спрашивай, матери у нее нет.

– Спасибо, Риммасик, а то бы ляпнула. Юля! А курить у тебя можно?

– Нельзя, но если очень хочется!

Мила не дослушала ответ, закурила сигарету и затянулась.

Хорошая девчонка Юлька, открытая, честная, без подлости, есть нюх на молодежь у главреда.

До интервью с Владимиром Яценко тогда оставалось десять дней.

## Глава 11

В руководстве «Орбитальной группировки» царили паника и растерянность. Яценко был не просто генеральным директором, а целой космической эпохой предприятия, многие заказы фирма получала благодаря его личным связям и его авторитету, да и держалась так долго на плаву во многом из-за его персоны. Поэтому его смерть, да не просто смерть, а убийство, расценивалась как катастрофа, как, например, непредвиденное падение метеорита на землю.

Комиссию по похоронам руководство Космического управления поручило возглавить первому заму Яценко. Слухи об убийстве распространялись по городу с космической скоростью. Новость обсуждалась на предприятиях, в офисах, в очередях, в автобусах, и не было в городе человека, который бы не выдвинул свою версию. Первое заседание комиссии по организации похорон было несколько сумбурным, и начальник пресс-службы Лариса Кошкина только и успевала делать пометки.

– Думаю, что прощание надо организовать в городском Доме культуры.

– Может, в Доме офицеров?

– Нет, Дом культуры в центре, а «офицеры» на окраине. Народу будет много.

– Да, обещали из отряда космонавтов делегацию прислать. Делегация будет из Космического управления. Всех надо разместить, накормить.

– С семьей посоветоваться бы. Узнать, когда дочь прилетает.

– Да, да, я сегодня к Вере Михайловне иду, мы договорились на встречу вечером. – Первый заместитель Николай Николаевич Серегин очень волновался, процедура хоть и печальная, но должна пройти на высшем уровне.

Вера Михайловна Яценко принимала соблезновения. Она была женщиной, про которых говорят «со следами былой красоты», но это бывшее проглядывало так ярко, сочно и свежо, что многие молодые могли только завидовать. В черном обтягивающем траурном платье Вера Михайловна, при сохранившейся фигуре, была похожа скорее на возрастную модель, чем на безутешную вдову. Серегин подумал: «Красавица, она и в горе красавица, зачем только шеф с пресс-службой спутался, с безмозглой Лариской Кошкиной. Никогда его не понимал».

– Николай Николаевич, у меня нет особых пожеланий, лишь бы было все по-христиански. Владимир Николаевич не верил в бога, да, собственно, ни во что он не верил, только в свою работу. Может, вы, как человек, знающий космос, скажете: что Там? – Она показала пальцем в потолок. – Ответите, есть ли Бог?

Серегин замылся, он не знал, что говорить, и светскую беседу о Боге поддерживать не хотел. Он вообще хотел, чтобы побыстрее прошли эти похороны, Космическое управление назначило бы нового генерального, а он спокойно ушел бы на пенсию – выращивать огурцы у себя на участке. Работать с Яценко ему всегда было очень сложно, тот не терпел другого мнения, кроме своего, был авторитарен и всех, кто пытался ему возражать, называл «враждебной силой». Собственно, последние годы соратники ему не возражали, а только заглядывали в рот, чтобы услышать очередной важный начальственный тезис. В диалогах генеральный директор был прямолинеен, как карандаш «два тэ», и агрессивен, в своих решениях он не сомневался ни разу. Серегин устал от каждодневного напряжения и очень хотел тихой и спокойной жизни. Нового генерального он просто не переживет, не подстроится, не привыкнет, потому что все силы, вся жизненная энергия потрачены на Яценко. Разговоры о его убийстве ходят всякие, но обсуждать смерть Яценко с кем-то Серегин боялся. У шефа было столько врагов в отрасли, он обладал удивительным качеством не только наживать врагов, но и постоянно раздражать их, что выстрелить могли многие. Думать об этом Серегину не хотелось.

– Вера Михайловна, не знаю я про Бога. Вот должны приехать на прощание космонавты, они точно могут рассказать, что там на небесах.

– Никто точно не знает, Николай Николаевич. Никто.  
– Вы лучше скажите, дочь приезжает?  
– Да, завтра утром самолет. Вот, посмотрите, сколько телеграмм с соболезнованиями. – Вдова показала на стол, где лежала груда бумаг. – Ему бы понравилось. Что там говорит следствие?

– Не знаю. Изучают обстановку, ищут.

– Не можете вы не знать! Вы же работали с ним, видели его чаще, чем я. Вы вместе ездили на выставки за рубеж, вы были с ним на совещаниях. Володя не страдал хроническими болезнями. Для своих шестидесяти он был бодр, подтянут. Вы знаете, что он каждое утро обливается холодной водой! Обливался...

– Нет, не знал я этого, Вера Михайловна. Он, конечно, был жизнелюб. И я не представляю фирму без него. Кто выстрелил? Чей это был заказ? Одному Богу известно.

– Вы же только сказали, что ничего не знаете про Бога.

– Не знаю, но и про убийство мне известно не больше, чем вам.

– А что журналистка? Что она говорит? Ведь это она могла его убить!

– Не думаю. Это случайная девочка из местной газеты. Она даже не успела ни одного вопроса задать.

– Она могла видеть убийцу. Могла! Стояла ведь совсем рядом.

– По данным следствия, Владимир Николаевич был в маленьком кабинете, пуля прошла в крохотное окно.

– Следователи совсем молоденькие мальчишки, не найдут они ничего. Тыкаются как котята, – вздохнула Вера Михайловна.

– Следственная бригада из Центрального аппарата прилетает завтра, пять человек.

– У меня к вам личная просьба, Николай Николаевич, не откажите. Чтобы вашей Брошкиной или Кошкиной, как ее там, в общем, пресс-службы на похоронах не было, а то, не ровен час, выкину ее прямо из ритуального зала. – В голосе женщины появились металлические нотки. – Вы меня поняли?

В ответ Серегин только кивнул.

Проводив гостя, Вера Михайловна прошла в комнату и села в любимое кресло мужа. Завтра придет Анечка, прекрасное их с Володей произведение, – умница и красавица. Она живет в Англии и предпочитает мутную Темзу быстрым сибирским рекам. Вера должна поддерживать дочь, девочка была близка с отцом. Она все сделает как положено: поможет дочери, выдержит эту процедуру – прощание, панихиду, выдержит и мысленно простит его.

Когда-то Вера очень сильно Володю любила, до одури, до мурашек по коже, до синяков под глазами, которые появлялись после бессонных ночей. Чтобы обратить на себя внимание студента-пятикурсника Володи Яценко, она, первокурсница, записалась в научное общество и сидела там, на занятиях, абсолютно ничего не понимая. Вечером в общежитии Верочка нашла какое-то срочное дело в коридоре третьего этажа, где была его комната, например, оказывалось, что именно там хорошо работает плитка и можно приготовить что-нибудь вкусненькое для девчонок. Именно на общежитской кухне она и попала ему на глаза.

– Что стоим, кого ждем? – Он явно много выпил.

Вера, конечно, не могла признаться, что вот уже целую неделю караулит его и что над ее влюбленностью смеются девчонки-соседки.

– Ты хочешь выпить?

– Хочу, – смело сказала она.

Она хотела быть рядом с Володей, и неважно, пить пиво, гладить рубашку, кормить обедом или просто смотреть в глаза. Еще год она делала именно это. Нет, не вглядывалась в его глаза, а была его сиделкой, когда он заболел гриппом, прачкой, когда требовалось постирать одежду не только ему, но и всем ребятам из комнаты, писарем, когда нужно было переписать

сать лекцию, и психологом, когда у Володи случилась безответная любовь, – в общем, другом, «своим парнем». Когда-то Вера играла в школьном театре, и ей казалось, что Володя, ее нынешний режиссер, дает ей разные роли, и она хорошо с ними справляется. Главная роль, его жены, ей тоже достанется, нужно только потерпеть. Они подали заявление в ЗАГС, когда Вера сказала о беременности, но Володя честно предупредил:

– Не люблю я тебя, Верка, зачем замуж тащишь?

– Я тебя люблю, Володечка. Одной любви нам хватит, вот увидишь. Если один человек любит, другой обязательно откликнется.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.